

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 2(16) / 2018

ЗАРЕГИСТРИРОВАН В МИНИСТЕРСТВЕ СВЯЗИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ № ФС 77-57507 от 27.03.2014

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. МАЙОРОВ

кандидат юридических наук, доцент

**ВЫПУСКАЮЩИЙ
РЕДАКТОР**

Е. К. СОГРИН

ВЕРСТКА

А. Е. ШРАЙБЕР

КОРРЕКТОР

В. С. ФЁДОРОВ

ПЕРЕВОД

М. А. МАРТЫНОВА

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «ЭСКУЭЛА»

**ООО «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»**

РЕДАКЦИЯ, ИЗДАТЕЛЬ:

Россия, 454080,

г. Челябинск, а/я 12550

Тел./факс: 8 (351) 231-09-91

E-mail: victimology@mail.ru

www.victimo.ru

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов

Журнал индексируется в наукометрической базе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – elibrary.ru.

Полнотекстовые версии статей, опубликованных в журнале размещены в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» – cyberleninka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

12.00.00 (Юриспруденция)

В. Е. КВАШИС, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Ю. А. ВОРОНИН, доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург)

Н. В. ГЕНРИХ, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар)

Я. И. ГИЛИНСКИЙ, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)

К. В. ВИШНЕВЕЦКИЙ, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар)

П. А. КАБАНОВ, доктор юридических наук, доцент (г. Казань) – председатель
Р. А. САБИТОВ, доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск)

П. Н. ФЕЩЕНКО, кандидат юридических наук, доцент (г. Киров)

Э. Г. ЮЗИХАНОВА, доктор юридических наук, профессор (г. Тюмень)

13.00.00 (Педагогика)

Е. В. АНДРИЕНКО, доктор педагогических наук, профессор (г. Новосибирск)

В. В. БАЗЕЛЮК, доктор педагогических наук, профессор (г. Челябинск)

П. И. КОСТЕНОК, доктор педагогических наук, профессор (г. Челябинск)

З. Р. ТАНАЕВА, доктор педагогических наук, доцент (г. Челябинск)

19.00.00 (Психология)

Н. И. ИОГОЛЕВИЧ, доктор психологических наук, профессор (г. Тюмень)

М. Г. СИНЯКОВА, доктор психологических наук, доцент (г. Екатеринбург)

Д. А. ЦИРИНГ, доктор психологических наук, профессор (г. Челябинск)

Е. Ф. ЯЩЕНКО, доктор психологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

VICTIMOLOGY

No. 2(16) / 2018

THE JOURNAL IS REGISTERED IN MINISTRY OF COMMUNICATIONS AND MASS MEDIA

CERTIFICATE ПИ No. ФС 77-57507 of March 27, 2014

CHIEF EDITOR

A. V. MAYOROV
candidate of law sciences,
associate professor

MANAGING EDITOR

E. K. SOGRIN

PAGE-PROOFS

A. E. SCHREIBER

PROOFREADING

V. S. FEDOROV

TRANSLATION

M. A. MARTYNOVA

THE FOUNDERS:

**LLC «ESCUELA»
LLC «SOUTH-URAL LAW BULLETIN»**

EDITORIAL OFFICE:

Russia, 454080,
Chelyabinsk, p. o. 12550
Phone/fax: 8 (351) 231-09-91
E-mail: victimologiy@mail.ru
www.victimo.ru

The authors of the published materials are responsible for the authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information, as well as for compliance with the intellectual property law

The journal is indexed in neurometricion database of the Russian index of scientific citation (RISC) – elibrary.ru.

Full-text versions of articles published in the journal posted in the scientific electronic library «Cyberleninka» – cyberleninka.ru

EDITORIAL BOARD:

12.00.00 (Jurisprudence)

V. E. KVASHIS, doctor of law, professor (Moscow)
Yu. A. VORONIN, doctor of law sciences, professor (Ekaterinburg)

N. V. GENRIKH, doctor of law sciences, professor (Krasnodar)

YA. I. GILINSKY, doctor of law, professor (St. Petersburg)

K. V. VISHNEVETSKIJ, doctor of law sciences, professor (Krasnodar)

P. A. KABANOV, doctor of law sciences, associate professor (Kazan) – chairperson

R. A. SABITOV, doctor of law sciences, professor (Chelyabinsk)

P. N. FESHCHENKO, candidate of law sciences, associate professor (Kirov)

E. G. YUZIKHANOVA, doctor of law sciences, professor (Tyumen)

13.00.00 (Pedagogy)

E. V. ANDRIENKO, doctor of pedagogical sciences, professor (Novosibirsk)

V. V. BAZELYUK, doctor of pedagogical sciences, professor (Chelyabinsk)

P. I. KOSTENOK, doctor of pedagogical sciences, professor (Chelyabinsk)

Z. R. TANAEVA, doctor of pedagogical sciences, associate professor (Chelyabinsk)

19.00.00 (Psychology)

N. I. IOGOLEVICH, doctor of psychological sciences, professor (Tyumen)

M. G. SINYAKOVA, doctor of psychology sciences, associate professor (Ekaterinburg)

D. A. TSIRING, doctor of psychological sciences, professor (Chelyabinsk)

E. F. YASHCHENKO, doctor of psychological sciences, associate professor (St. Petersburg)

© Editorial office of the journal «VICTIMOLOGY», 2018

В НОМЕРЕ

Поздравление с 80-летием профессора
Квашиса Виталия Ефимовича 5

Поздравление с 55-летием профессора
Шеслера Александра Викторовича 7

ТЕОРИЯ НАУКИ

КВАШИС В. Е.
Еще раз о проблемах
криминологических исследований. 8

ВИШНЕВЕЦКИЙ К. В.
Радикальная виктимология:
предпосылки и перспективы
развития. 14

ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЗАКОН

МУЛЛАХМЕТОВА Н. Е.
Законотворческие инициативы
по защите жертв преступлений 23

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

БОЙКО О. А., ПАНОВ С. Л.
Покупатель контрафактной продукции:
жертва или соучастник? 29

ВАСИЛЬЕВ С. А.
Жертва и потенциальная жертва
преступления как субъект
правоотношений 34

МИЗЕНИНА И. С.
Проблемные аспекты участия
несовершеннолетних жертв
преступлений в медиа-пространстве . . 40

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА

БАРАНЧИКОВА М. В.
Влияние ситуации на виктимизацию
несовершеннолетних жертв дорожно-
транспортной неосторожности 45

КУДРЯШОВ А. В.
Жертва в дорожно транспортном
проишествии: некоторые
виктимологические аспекты 51

САЗОНОВ М. М.
Виды мошенничеств с банковскими
картами и совершенствование мер
виктимологического
предупреждения 55

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФАТКУЛИН С. Т.
Юридические лица как объект
криминальной виктимологии. 61

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления
рукописей статей в научный
журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ» 67

IN THIS ISSUE

Congratulations on the 80th birthday of Professor Vitaliy Yefimovich Kvashis 5

Congratulation on the occasion of the 55th birthday of Professor Alexander Shesler 7

THEORY OF SCIENCE

KVASHIS V. E.
Once again about the problems of criminological research 8

VISHNEVETSKII K. V.
Radical victimology: background and development prospects 14

VICTIMS OF CRIME AND THE LAW

MULLAKHMETOVA N. E.
Legislative initiatives for the protection of victims 23

THE VICTIM OF THE CRIME

BOYKO O. A., PANOV S. L.
The buyer of counterfeit products: victim or accomplice? 29

VASILEV S. A.
Victims and potential victims of crime as a subject of relationships 34

MISENINA I. S.
The problematic aspects of the participation of juvenile victims of crimes in the media space 40

VICTIMOLOGICAL PREVENTION

BARANCHIKOVA M. V.
The impact of the situation on victimization minor victims of road traffic negligence 45

KUDRYASHOV A. V.
Victim in road transport proishestvii: some aspects of victim 51

SAZONOV M. M.
Types of fraudes with bank cards and improvement of viktimological warning measures 55

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

FATKULIN S. T.
Legal entities as an object of criminal victimology 61

INFORMATION FOR AUTHORS

Terms of manuscripts of articles in the scientific journal «VICTIMOLOGY» 67

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С 80-ЛЕТИЕМ ПРОФЕССОРА КВАШИСА ВИТАЛИЯ ЕФИМОВИЧА

Congratulations on the 80th birthday of Professor Vitaliy Yefimovich Kvashis

А юбиляр-то славный!

Виталию Ефимовичу Квашису по случаю неправдоподобного юбилея

Что мы знаем о нашем юбиляре или должны знать: а) он владеет искусством калогатии Платона, что в понимании простых смертных означает приверженность «золотой середине»; б) пригоден для умовспоможения другим наукообразным людям, ибо его градус умственности высок до такой степени, что подавляет окружающих до унижения; в) алчен до новизны и потому неистово преодолевает чертоги истины; г) обожает переливы мысли и забавный слог; д) привередлив в выборе людей близкого круга – только не из числа ремесленников и пустозвонов; е) обладает тонкой душевной организацией и не стесняется водить хоровод с теми, кто поддерживает его усилия по инкрустации собственного сознания и чувств.

Богу было угодно так распорядиться траекторией моей судьбы, чтобы я встретил на своей ухабистой жизненной дороге Виталия Ефимовича. Встретил, остолбенел, еле очухался и с тех пор мучаюсь воспоминаниями и вечными вопросами. Встречи не единичны, а симпатия Мэтра постоянна.

Медики давно обратили внимание на то обстоятельство, что ни один здоровый человек не «заразил» своим здоровьем окружающих, а моралисты – что пороки успешно усваиваются и без учителей. Не буду лукавить: Виталий Ефимович для меня не медицинский оберег, но то, что благодаря спорадическим контактам с ним я сохраняю статус человекообразного представителя животного мира, согласного жить даже в условиях избытка прав и свобод человека и гражданина, читаю, пишу и даже думаю в странном согласии со своим пенсионным возрастом и сварливым характером – факт!

Друзья-товарищи! Сегодня у меня и у нас не тот случай, чтобы подавать советы или поучать сравнительно молодого человека Виталия Ефимовича от лица еще более молодых и потому глухих. Эйнштейн учил, что есть только две бесконечные вещи: Вселенная и глупость. Руководствуясь сим ценным наблюдением, подкрепим наше послание назиданиями юбиляру: а) жить умеренно и как можно дольше; б) быть как

можно дальше от мест, где совершаются подвиги; в) по-прежнему жить так, чтобы помнили; г) сделал добро – отойди на безопасное расстояние, чтобы не зацепило ударной волной благодарности; д) оставаться тем же обаятельным представителем сильного пола и джентльменом, ибо Анна Каренина потому и легла под поезд, что не нашла ни одного настоящего мужчины.

Зная юбиляра уже много лет, находясь под прессом его обаяния, купаясь в его симпатии, побаиваясь его вселенского юмора, дрожу от мысли, что при встрече он скажет: «твоя статейка по содержанию - ничего, но зачем такой тон!?!». Если скорость света выше скорости звука, то некоторые люди, действительно, выглядят умными лишь до тех пор, пока не заговорят либо не начнут писать корявые поздравления...

Давайте же поздравим симпатягу, умницу и задиру (*Horrible dictum*) с его славным юбилеем! Пусть он живет и творит долго на радость всем, кто его почитает и любит! Счастья Вам, дорогой Виталий Ефимович, и Вашим близким, здоровья, бодрости, удачи и всяческого благополучия!

Александр Бойко

Виталию Ефимовичу Квашису – 80 лет!

1 июля 2018 года Квашису Виталию Ефимовичу, доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ, заслуженному юристу РФ – исполнилось 80 лет!

Квашис Виталий Ефимович родился в 1938 году в городе Киеве. В 1961 году окончил юридический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова и в 1967 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Амнистия и помилование по советскому уголовному праву». Докторскую диссертацию на тему «Социально-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступной неосторожностью» Виталий Ефимович защитил в 1983 году.

Научное направление и название нашего издания напрямую связано с именем Виталия Ефимовича – ведущего криминолога и виктимолога в нашей стране, которого знают и уважают в мировом научном сообществе криминологов, социологов и виктимологов.

Профессор В.Е. Квашис с 1993г. – член Всемирного виктимологического общества при ЭКОСОС ООН, Еврофорума защиты жертв, эксперт других международных организаций, член Американского криминологического общества и Академии уголовной юстиции США, член правления Российского союза криминологов, член Экспертного совета МВД России по вопросам нормотворческой работы.

В списке научных трудов Виталия Ефимовича насчитывается не одна сотня публикаций посвященных виктимологическим проблемам – социальным последствиям преступности, защиты потерпевших от преступлений, анализу зарубежной практики и виктимологической профилактики. Наверное, нет ни одного диссертационного исследования в области виктимологии, в котором не использовались фундаментальные разработки по виктимологии профессора В.Е. Квашиса. Не исключение и научные статьи современных авторов, публикуемых в нашем журнале «Виктимология», в Редакционный совет которого входит Виталий Ефимович.

Многоуважаемый Виталий Ефимович!

В связи с Вашим юбилеем искренне желаем Вам здоровья, неиссякаемой энергии, добра и благополучия!

**Редакция научно-практического журнала
«Виктимология» (<http://victimo.ru>)
victimology@mail.ru
От редакции А.В. Майоров**

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С 55-ЛЕТИЕМ ПРОФЕССОРА ШЕСЛЕРА АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВИЧА

Congratulation on the occasion of the 55th birthday of Professor Alexander Shesler

1 апреля 2018 г. Шеслеру Александру Викторовичу, доктор юридических наук, профессору кафедры уголовного права Национального исследовательского Томского государственного университета, профессору кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России исполнилось 55 лет.

ШЕСЛЕР Александр Викторович, родился 1 апреля 1963 года рождения. В 1985 г. с отличием окончил юридический факультет Томского госуниверситета. С июля 1985 г. по август 1987 г. проходил действительную военную службу в должности командира взвода в спецчастях МВД СССР.

С октября 1987 г. по март 1994 г. работал на юридическом факультете Томского госуниверситета на должностях ассистента, старшего преподавателя, доцента. С марта 1994 года состоял на службе в учебных заведениях МВД России и ФСИН России, имеет специальное звание «полковник милиции». С 1 августа пенсионер ФСИН России, имеет специальное звание «полковник внутренней службы».

За период своей научно-педагогической деятельности преподавал дисциплины «Уголовное право», «Криминология», а также спецкурсы «Научные основы квалификации преступлений», «Групповая преступность», «Рецидивная преступность», «Пенитенциарная преступность», «Уголовная и уголовно-исполнительная политика».

В мае 1991 г. в Томском госуниверситете защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Устойчивые преступные группы несовершеннолетних: уголовно-правовые и криминологические аспекты» (специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право). В декабре 2000 г. в Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург) защитил докторскую диссертацию по теме: «Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты» (специальность 12.00.08. – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право). Решением Министерства образования в ноябре 2001 г. А.В. Шеслеру присвоено ученое звание профессора.

Александр Викторович является автором более 400 научных и методических работ, из которых тринадцать монографий. Является соавтором учебных изданий по уголовному праву и криминологии.

Сфера научных интересов – соучастие в преступлении, уголовно-правовая политика, преступления против собственности, групповая преступность, организованная преступность, преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств, преступность несовершеннолетних, женская преступность, методологические проблемы криминологии (предмет, метод, преступность, детерминанты преступности, личность преступника, теория криминологического предупреждения преступности).

Под научным руководством Александра Викторовича защищено двадцать кандидатских диссертаций в сфере уголовного права и криминологии.

Многоуважаемый Александр Викторович!

Искренне желаем Вам здоровья, творческих успехов, добра и благополучия!

Редакция научно-практического журнала
«Виктимология» (<http://victimo.ru>)
victimology@mail.ru

Квашис В. Е.

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается проблема объективности и достоверности научного знания в криминологии, без которых наполнение научной информации интеллектуальным содержанием, по мнению автора, невозможно.

Ключевые слова: криминология, криминологические исследования, наука, статистика, девиация.

В последних публикациях по указанной теме мне казалось крайне важным подчеркнуть одно из исходных положений. Суть его в том, что криминология призвана ответить на все более сложные вызовы времени. В связи с этим резко обостряется проблема объективности и достоверности научного знания, без которых наполнение научной информации интеллектуальным содержанием невозможно.

Говоря о наиболее серьезных недостатках криминологических исследований, я связывал многие из них с провинциальным характером ряда исследований, подчеркивая, что провинциальность вовсе не является понятием географическим. Помимо всего прочего, к нему относятся нарочитая наукообразность, назойливый пиар, тиражирование и раздутость публикаций, небрежное отношение к научному аппарату, отсутствие чувства меры, самоиронии и, как следствие, мания величия. Возможно, для всех этих недостатков в качестве интегрирующего можно было бы найти иное понятие. Будем считать, что понятие «провинциальность» является условным, хотя, как мне кажется, содержательно это – условность с заметным отблеском безусловного. Как мог, я пытался объяснить этот феномен; в

конце концов, суть не в названии явления, а в его типичности и, главное, в его распространенности.

Мне также приходилось отмечать, что разного плана недостатки характерны даже для исследований авторов, чей авторитет в науке является общепризнанным [8]. В этой статье я приведу еще один из таких примеров, обратившись к работам моего друга, профессора Я.И. Гилинского, с одобрения которого попутно продолжится и наша дискуссия по существу высказанных здесь замечаний. Особо отмечу, что мое довольно глубокое погружение в социологию и психологию дихотомии агрессии (убийств и самоубийств) произошло именно под влиянием трудов Я.И. Гилинского, стимулировавших значительное расширение круга научных интересов и более глубокого изучения отечественной и зарубежной литературы.

При всем непреходящем уважении к творчеству и научным заслугам маститого ученого следует признать, что в его работах содержится россыпь довольно небрежных, походя сделанных неаккуратных замечаний, связанных с формулируемыми им положениями и выводами; ряд таких положений, на мой взгляд, носит характер суждений поверхностных, заслужива-

ющих критического анализа, продолжения дискуссии, уточнения и определенной коррекции. Стоит заметить, что и сам автор в своих более поздних работах, пусть и довольно кокетливо, говорит об «относительно поверхностном рассмотрении тем» [4, с.163] («относительно» – вообще один из наиболее часто употребляемых им терминов). Таких суждений, на самом деле немало, и к сожалению, они кочуют из одной работы в другую.

Среди рассматриваемых автором разных форм девиантного поведения для меня наибольший интерес представляют те разделы многочисленных трудов ученого, которые связаны с объяснениями по поводу меняющейся динамики убийств и самоубийств. Здесь автор, как бы между прочим, замечает, что оба явления имеют «относительно низкую латентность» [4, с.431]. Термин «относительно» здесь ничего не дает (один из персонажей фильма «17 мгновений весны» верно заметил, что ясность – одна из форм полного тумана). Это мнение Я.И. Гилинского, как показывает целый ряд медицинских, демографических и криминологических исследований является ошибочным. Для современного социолога и особенно для криминолога это очевидно. Реальная картина убийств иная и куда более драматичная, чем это показывает официальная статистика, а различные формы манипуляции с этой статистикой хорошо известны. Статистика самоубийств также является далеко не полной и по разным причинам искаженной. Известно, и то, как убийства и самоубийства маскируются друг под друга и потому «на выходе» медицинской, демографической и уголовной статистики мы имеем разную статистическую картину смертности, ее причин, числа убийств, числа погибших и т. д.

В ряде случаев, особенно когда речь идет о самоубийствах, автор абсолютизирует результаты статистического и корреляционного анализа на основе собранного эмпирического материала. Тем более, что часть из них базируется на данных 1990 х годов и не учитывает произошедшие с тех пор значительные изменения современной реальной жизни. Это касается, например, переоценки значимости такого фактора, детерминирующего суицидальное поведение, как уровень образования, не совсем корректного противо-

поставления частоты суицида среди интеллигенции и «белых воротничков», абсолютизации роли социального неравенства, расслоения населения и их прямого влияния на динамику самоубийств и убийств. Наш анализ медицинской, демографической и криминологической статистики и практики регистрации этих фактов с начала 2000х годов на федеральном, региональном и локальном уровне показывает несколько иную картину [см. табл. 1]. Чем объяснить, например, что в Северо-Кавказском федеральном округе, например, уровень расслоения населения и социального неравенства один из самых высоких, а уровень и число убийств в регионе – одни из самых низких в стране? Чем объяснить, что в Адыгее, например, еще несколько лет назад снижение числа самоубийств шло не на фоне снижения, а, наоборот, на фоне заметного роста безработицы? Вероятно, не все так однозначно и просто и не все и не всегда такого рода связи носят линейный характер.

Я.И. Гилинский неоднократно указывает, что уровень убийств и самоубийств – величины для каждой страны стабильные. В основном такие не слишком аккуратные заключения делаются с опорой на статистику XIX, либо середину XX века. Такого рода суждения (без соответствующих оговорок) следует признать, как минимум, не совсем точными. В России, например, в середине 1990-х годов за 10 лет уровень убийств вырос в три раза, а в последующие 10 лет снизился в два раза; в тот же период уровень самоубийств вырос в два раза, а в последующие десять лет снизился более, чем в два раза. А, скажем, в Японии за 20 лет уровень убийств снизился в пять раз, а число убийств почти в 1,7 раза; схожая картина и в динамике самоубийств. О какой стабильности может идти речь, когда показатели резко растут или падают даже в «соседние» годы? А главное, тезису Я.И. Гилинского противоречат и современные тенденции в динамике названных явлений. Укажем, например, на данные демографической статистики в России за последние 12 лет [6].

Практически на те же тенденции указывают абсолютные и относительные показатели статистики убийств и самоубийств (в обоих случаях их число и их уровень, как уже отмечалось, в современ-

Доля убийств и самоубийств среди внешних причин смертности

смертность от внешних причин	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
самоубийства	32,1	23,4	20,8	20,1	18,5	17,4	15,8
убийства	24,8	13,3	10,8	10,1	9,0	8,2	7,2

ной России последовательно снижаются). Хочется спросить, за последние 12 лет социальное неравенство и расслоение населения в России испарились или хотя бы сократились? Вопрос, разумеется, риторический.

Во многих случаях автор либо ограничивается констатацией статистической картины убийств и самоубийств, либо без намека на объяснения утверждает что тенденции в их динамике зависят от тех или иных социальных условий. Так, говоря, например, о тенденциях самоубийств в России в 1980–1990 гг., автор настаивает на том, что их динамика «очень наглядно демонстрирует зависимость от социально-политических условий» [3, с. 180]. Приводимые для каждого выделенного им периода современной российской истории показатели самоубийств, разумеется, разные, они то растут, то снижаются, но автор никак не объясняет, в чем именно в каждом отрезке (эта «очень наглядная связь» выражается, почему эти показатели росли в годы «застоя», затем снижались в годы «перестройки», потом вновь росли в период «постперестройки» и, наконец, стали снижаться с начала 2000-х годов. Объяснений, даже «относительно поверхностных» нет.

Обратимся теперь к расхождению концептуального плана. В социологии есть такое понятие, как «двойной климат мнений», когда человек, увлекшись какой-то своей идеей, сознательно или на уровне бессознательного не хочет замечать другой позиции, других сторон явления; он видит только то, что хочет видеть и во что верит. Так, идея о взаимосвязи (корреляции, взаимозависимости) убийств и самоубийств настолько глубоко вошла в сознание Я. И. Гилинского, что он говорит о ней как об аксиоме, постоянно ссылаясь при этом на труды К. Маркса, Э. Дюркгейма и др. авторов. Такого рода ссылки делаются как бы между прочим, поскольку речь идет о вещах, якобы, общеизвестных, либо о том же говорится, походя или в скобках [См.: 1, с. 90, 391],

ни разу не упомянув об источниках, где прямо указывается, что никакой связи между динамикой этих явлений на самом деле нет. Э. Дюркгейм, например, писал о связи динамики самоубийств с другими социальными процессами, но он не связывал их динамику с динамикой убийств. Более того, еще в 1897 году Э. Дюркгейм вынес этой гипотезе убедительный приговор. «Истина, – писал он, – заключается в том, что здесь нет ни прямого, ни обратного отношения. Если в некоторых случаях оба явления уживаются друг с другом, то в других они находятся в явном антагонизме» [7, с. 349].

Надо сказать, что еще в середине XIX века вопрос о взаимосвязи указанных явлений служил предметом довольно острой научной полемики (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Э. Морселли и др.). Э. Ферри, например, ссылаясь на статистику некоторых стран, утверждал, что ход самоубийств противоположен ходу убийств, что первое везде и всегда служит дополнением или противодействием второму; он считал, что для всех государств и во все периоды кривые этих двух явлений противопоставлены друг другу и когда одна из них поднимается, другая, наоборот, идет вниз.

На примерах статистики Пруссии, Англии, Бельгии и Франции французский социолог Габриэль де Тард (за 10 лет до Э. Дюркгейма) показал ошибочность указанной концепции; в 1886 году он первым (о чем нигде не упоминается) показал, что вовсе не всегда и не во всех государствах тенденции в динамике убийств и самоубийств противостоят друг другу. «Самоубийство, – писал Г. Тард, – есть одна из форм невыносимого отчаяния, а убийство – одна из форм эгоизма. Но развитие эгоизма и развитие отчаяния не совпадают. Первое может расти без уменьшения второго, но различные формы, в которые каждый из них может облечься с ходом социального прогресса, могут совпадать между собой» [10, с. 327]. Объясняя рост самоубийств исключительно причинами

социальными, он сделал категоричный вывод о том, что «прогрессия самоубийств вовсе не связана с пропорциональным уменьшением убийств и других преступлений против личности» [10, с. 331]. Поразительно, но факт – современные социологи и криминологи в историю этой дискуссии не вдавались.

Реинкарнация этой давней идеи в середине 1950-х годов связана с именами американских социологов Э. Генри и Д. Шорта. Заимствовав у психоанализа концепцию агрессии, они (как и Э. Ферри) утверждали, что когда в обществе снижается количество убийств, кривая суицида идет вверх. Объясняли они такую взаимосвязь тем, что в стабильном, организованном обществе, агрессия, направленная вовне, не находит выхода и «переадресуется» внутрь; поэтому в социально «благополучных» странах проявлений суицида в несколько раз больше, чем в «неблагополучных», где неоднородность и дезорганизованность среды «помогает» человеку крепче держаться за свою жизнь. Мировая статистика конца XX и начала XXI века и последующие социологические исследования убедительно доказали несостоятельность этой паранаучной теории. Что касается стран «благополучных» и не очень скажу так: поскольку в США и в Великобритании уровень суицида на протяжении многих лет в 2–3 раза ниже, чем, скажем, в Японии или в России, признать, что общество в Великобританию или в США более «дезорганизованное», вероятно, трудно.

Теория Э. Генри и Дж. Шорта строилась на том, что убийство и самоубийство – две формы агрессии на почве фрустрации. Я. И. Гилинский по этому поводу писал: «Это очень перспективная идея (на связь убийств и самоубийств указывали К. Маркс, Э. Дюркгейм), развиваемая западной и отечественной суицидологией» [4, с. 391]. Вначале о том, что сказано в скобках. Частично об этом уже упоминалось, когда речь шла о позиции Э. Дюркгейма.

На самом деле, даже если признавать общность этих явлений (в чем у меня, например, большие сомнения), их общность и некоторое сходство вовсе не означают наличие меду ними взаимосвязи и взаимозависимости приписываемых Э. Дюркгейму, который, как отмечалось выше, эту взаимосвязь исключал. Что же касается ссылки на К. Маркса, то в известной ста-

тье, о которой идет речь («Смертная казнь...») нет ни слова, ни даже намека о связи самоубийств и убийств; в ней говорится лишь о связи каждого из этих явлений с практикой смертной казни, что, понятно, не одно и то же.

Мне кажется, что именно названная теория способствовала формированию убежденности Я.И. Гилинского в дихотомии агрессии и в существовании такой взаимосвязи. И никакие доводы противников этой позиции (он в своих работах их называет, но об их отрицательном отношении к этой идее почему-то не упоминает) поколебать эту веру не смогли. Между тем речь идет не о голословных заключениях, а о серьезных эмпирических исследованиях. Одно из них – весьма оригинальное исследование самоубийств в 69 городах России С.Г. Смидовича, в итоге которого «между уровнем самоубийств и убийств корреляционной связи не было выявлено» [9, с.79]. (К этому надо добавить, что именно работа С.Г. Смидовича оказала заметное влияние на используемые Я.И. Гилинским терминологический аппарат и методику анализа). Спустя 25 лет исследование социолога Е.Е. Демидовой, выполненное на основе материалов мировой статистики, «показало полное отсутствие связи» между уровнем убийств и уровнем самоубийств (коэффициент корреляции составил – 0,09 и – 0,06) [5, с. 17].

По-разному интерпретируя понятие «интегрального индикатора уровня социальной патологии» (С.Г. Смидович), и используя термин «коэффициент насилия», Я. И. Гилинский еще 20 лет назад решил применить отношение – частное от деления уровня убийств на уровень самоубийств в качестве одного из показателей, характеризующих степень социального благополучия (или неблагополучия) общества [2, с. 67-68]. Здесь нет возможности подробно останавливаться на политико-криминологических заключениях автора, вытекающих из таких расчетов. Они, по-нашему убеждению, заведомо наивны и ошибочны, поскольку изначально порочна сама идея «индекса насилия». Ибо как нельзя складывать (как С.Г. Смидович), так и нельзя делить (как Я.И. Гилинский) «круглое» и «зеленое» и на этой основе делать выводы о влиянии социально-экономических условий на ухудшение ситуации в обществе, об уров-

не его благополучия и т.д. Такого рода расчеты и оценки более 20 лет ходят из работы в работу уважаемого ученого, со временем меняя характер «изобретения» на более скромную «гипотезу». Справедливости ради отметим, что в последнем издании «Социального насилия» Я.И. Гилинский написать о своем давнем «от-

крытии» либо забыл, либо, хочу надеяться, наконец-то его критически переосмыслил. И правильно сделал, ибо в его фундаментальных и важных для криминологии и социологии трудах и без того хватает пассажей, где большому ученому и увлеченному человеку не всегда хватает самоиронии. Бывает, я и сам такой.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Гилинский Я. И. Девиантология : социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб., 2013.
2. Гилинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. – СПб., 2002.
3. Гилинский Я. И. Социальное насилие. – СПб., 2017.
4. Гилинский Я.И. Социальное насилие. – СПб., 2013.
5. Демидова Е.Е. География социальных девиаций: постановка проблемы, примеры региональных исследований // Региональные исследования. – 2015. – №3 (49).
6. Демографический ежегодник России. М., Росстат, 2015, 2017; Демоскоп Weekly, № 771-772, 21 мая – 3 июня 2018 года.
7. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд. – М., 1994.
8. Квашис В. Е. Проблемы качества криминологических исследований: истоки и симптомы болезни // Журнал российского права. – 2018. – №6.
9. Смидович С.Н. Самоубийства в зеркале статистики// Социологические исследования. – 1990. – №4.
10. Тард, Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность, Преступления толпы. (составитель. и предисл. – В. С. Овчинский). – М., 2009.

REFERENCES:

1. Gilinskiy YA. I. Deviantologiya : sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh «otkloneni». – SPb., 2013.
2. Gilinskiy YA. I. Kriminologiya. Teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyy kontrol'. Kurs lektsiy. – SPb., 2002.
3. Gilinskiy YA. I. Sotsial'noye nasiliye. – SPb., 2017.
4. Gilinskiy YA.I. Sotsial'noye nasiliye. – SPb., 2013.
5. Demidova Ye.Ye. Geografiya sotsial'nykh deviatsiy: postanovka problemy, primery regional'nykh issledovaniy // Regional'nyye issledovaniya. – 2015. – №3 (49).
6. Demograficheskiy yezhegodnik Rossii. M., Rosstat, 2015, 2017; Demoskop Weekly, № 771-772, 21 maya – 3 iyunya 2018 goda.
7. Dyurkgeym, E. Samoubiystvo. Sotsiologicheskii etyud. – M., 1994.
8. Kvashis V. Ye. Problemy kachestva kriminologicheskikh issledovaniy: istoki i simptomy bolezni // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2018. – №6.
9. Smidovich S.N. Samoubiystva v zerkale statistiki// Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 1990. – №4.
10. Tard, G. Prestupnik i prestupleniye. Sravnitel'naya prestupnost', Prestupleniya tolpy. (sostavitel'. i predisl. – V. S. Ovchinskiy). – M., 2009.

КВАШИС Виталий Ефимович, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России», г. Москва
E-mail: kvashis@mail.ru

Kvashis V. E.

ONCE AGAIN ABOUT THE PROBLEMS OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

The article deals with the problem of objectivity and reliability of scientific knowledge in criminology, without which the filling of scientific information with intellectual content, according to the author, is impossible.

Keywords: *criminology, criminological research, science, statistics, deviation.*

KVASHIS Vitaly Efimovich, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer, FGUU “All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia”, Moscow
E-mail: kvashis@mail.ru

Дата поступления: 15.06.2018 г.

Вишневецкий К. В.

РАДИКАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается радикальная виктимология, которая стала формироваться в 70-е годы XX столетия под влиянием такого заметного интеллектуального течения как критическая социальная теория. Проанализированы этапы формирования и развития радикальной виктимологии, ее представители.

Автором отмечено, что радикальная виктимология решительно переносила центр своих исследовательских интересов в пространство социальных детерминант виктимности, причин трансформации количественных и качественных параметров виктимности, характерных в современных условиях для различных социальных групп. Во многом благодаря именно радикальной виктимологии, в последние два десятилетия усиливается тенденция расширения виктимологических исследований на сферу социальных отношений.

Ключевые слова: *виктимология, радикальная виктимология, радикальная криминология, потерпевший, жертва, виктимизация.*

Радикальная виктимология формируется в 70-е годы XX столетия под влиянием такого заметного интеллектуального течения как критическая социальная теория. Первоначально ее мощное влияние испытала «старшая сестра» виктимологии – криминология. В это время идеи феноменологического анализа социально-правовых явлений, опыты постмодернистских интерпретаций в юридической науке, включая и криминологию, юридическая герменевтика активно вытесняют традиционный интеракционизм, бывший теоретическим фундаментом ранней криминологии. При этом доминирующим интеллектуальным течением, во многом породившим «новую волну» в криминологии и как следствие – в виктимологии, как раз и становится социальная критическая теория, отцами-основателями которых был М. Фуко (Франция), Ю. Хабермас (Германия) [16, с.18].

Для социальной критической теории было характерно постоянное стремление

к новым видам полидисциплинарного анализа. Поэтому не случайно то, что ее приверженцы находятся в оппозиции к истеблишменту традиционных университетских дисциплин, а их исследования институционализируются, как правило, в виде центров и лабораторий, а не кафедр и факультетов [3, с.179–182]. Лейтмотивом подобного рода исследований является рассмотрение социокультурных феноменов, включая коммуникативные взаимодействия в правовой сфере (или в сфере, потенциально допускающей правовую форму регулирования), прежде всего в аспекте организующих их отношений господства и подчинения, связанных с гендерными, классовыми, расовыми и т.п. различиями. При этом коммуникативные формы и процессы рассматриваются как динамические силы, а не как вторичные образования, зависящие от институциональных форм или от политической, или экономической организации [8, с.125–126]. Вместе с тем не существует устояв-

шейся единой «матрицы» «критических исследований» – это многообразные исследовательские практики, осуществляемые исходя из различных позиций, в локально обусловленных социокультурных контекстах и обстоятельствах академической деятельности [27, с.36–38].

Криминологическая наука откликнулась на возникновение социальной критической теории если не появлением так называемой радикальной криминологии (здесь присутствовали и другие социальные и теоретические детерминанты), то, во всяком случае, ее ускоренным теоретическим «взрослением». Сравнительно быстрый успех радикальной криминологии этого течения во многом был инициирован комплиментарностью левым идеям, которые были исключительно популярны в интеллектуальной среде Запада на рубеже 60–70-х годов.

Радикальная криминология представляла собой синтез криминологической концепции стигмы (согласно которой преступления совершают все члены общества, но к ответственности привлекаются только представители низших страт) и концепции аномии Э. Дюркгейма [22, с.190]. У ее истоков стояли Г. Блох, Д. Гейс, Д. Конгер, В. Миллер, Р. Куинни, Ф. Зак.

Термин «аномия» у Дюркгейма обозначал явление потери социальной значимости традиционной системы нравственных и правовых ценностей. Так, аномия европейского общества рубежа XIX – XX вв. по мысли французского ученого, была порождена переходным кризисным характером современной эпохи и представляла собой продукт неполноты перехода от механической к органической «солидарности». Проблема состояла в том, что объективная база последней – общественное разделение труда прогрессировало быстрее, чем находило свою моральную опору в коллективном сознании, а правовую основу – в системе действующих законоположений. Важнейшей задачей в области регулирования общественных отношений Дюркгейм считал поэтому создание новой системы нравственности, отвечающей современной сложности общественной структуры [21, с. 375–376; 14, с. 244 – 246]. Представители радикальной криминологии полагали, что масштабная задача преодоления аномии в современном обществе

должна быть дополнена установкой на полное искоренение преступности за счет кардинального преобразования социальной структуры капиталистического общества.

В 70–80-е гг. доминирующими становятся установки критической социальной теории. Именно в этот период происходит окончательное оформление и институционализация радикальной криминологии: учреждаются научные сборники и журналы, проводятся конференции и симпозиумы. Основное идейное и концептуальное ядро нового направления составили работы Я. Тейлора, Г. Швендингера, А. Платта, Г.Хаферкампа, Д. Даунса, П. Рока. Р. Кларк и Э. Шур образовали умеренное крыло радикальной криминологии [22, с.190].

Примерно с конца 70-х гг. парадигмы радикальной криминологии постепенно привлекают к себе внимание виктимологов. Уже в 1983 году американский исследователь Д. Фридрикс допустил, что радикальная криминология и виктимология имеют огромный потенциал взаимного воздействия. Он предложил поиск путей сочетания и эмпирической верификации некоторых общих теоретических суждений. Призывая изучать феномен потерпевшего с «радикальной» точки зрения, Фридрикс первым ввел термин «радикальной виктимологии» [6, с. 283–294]. В 1986 г. А. Фиппс также констатировал общность существующих подходов в радикальной криминологии и виктимологии, отмечая их своеобразную «комплементарность» и утверждая, что радикальная криминология может формироваться через эмпирическое изучение результатов исследования виктимизации различных социальных страт [15, с. 97–117]. Представители обоих подходов избегают изолированной ориентации на жертву (или на взаимоотношение жертва–преступник), вместо этого пытаются проанализировать роль потерпевшего в системе уголовного судопроизводства¹.

¹ Нам представляется, что с учетом существенных изменений в радикальной виктимологии на рубеже 80–90-х гг. (отказ от левых и левацких – «радикальных» в собственном смысле слова высказываний; усиление ориентации на критическую социальную теорию) было бы более точно говорить о «пострадикальной» виктимологии. Однако мы считаем целесообразным следовать в данной работе устоявшейся терминологии.

Во второй половине 80-х и в 90-е гг. в радикальной криминологии и виктимологии постепенно начинают доминировать более умеренные в политическом плане работы, вполне укладывающиеся в рамки академической стилистики. Стоит отметить, что 90-е гг. отмечены возрастающим влиянием в социальной критической теории хабермасианских идей с акцентировкой социально-политической и социально-правовой проблематики, вопросов глобализации и кризиса проекта государства в традициях «Модерна» [См.: 27; 26; 10]. Собственно правовым вопросам была посвящена фундаментальная работа Ю. Хабермаса (1994 г.) «Фактичность и значимость: к дискурсивной теории права и правового государства» [19], в которой исследуются новые перспективы отношений личности и государства, их различные аспекты в условиях глобализации, включая и аспекты, входящие в сферу интересов криминологической науки. При этом основной акцент делается на поиске такой нелиберальной коммуитаристской модели этих отношений, которая могла бы обеспечить новую систему гарантий устойчивой независимости и самодостаточности личности в условиях тектонических социальных сдвигов. Современное право здесь трактуется как механизм, который разгружает коммуникативную деятельность членов общества, решая задачу социальной интеграции, но оставляя при этом свободными пространства коммуникативной социализации.

В данный критический контекст органично вписываются работы представителей радикальной виктимологии², выступающих с критикой традиционной виктимологии и утверждающих, что ее основные концепции, сформировавшиеся в доглобалистскую эпоху, имеют тенденцию затрагивать вопросы обеспечения интересов государства в большей степени, чем вопросы прав и интересов жертвы. Более того, что в современных условиях эти концепции содействовали консервативной программе контроля над преступностью и усилили власть государства в уголовном судопроизводстве.

² В трактовке современных «радикальных виктимологов» явно прослеживаются мотивы теории естественного состояния, «вражды всех против всех» и общественного договора, восходящей в ново-европейской традиции к Т. Гоббсу.

Данная критика является в целом конструктивной, основанной прежде всего на акцентировке положительных результатов развития виктимологии и выявлении противоречий между этими результатами и растущими социальными ожиданиями. Чаще всего делается вывод о том, что по мере становления виктимологии как науки общая криминологическая литература в большинстве своем начала фокусироваться на концепции прав потерпевшего. Одновременно с этим общество стало охотнее признавать права «жертвы» и обращать больше внимания на освещавшиеся в прессе случаи плохого обращения представителей государственной власти с потерпевшим. Эффект этого движения усиливался возникновением на Западе общественных организаций с участием групп потерпевших, фокусирующихся на отдельных преступлениях (вождение автомобиля в нетрезвом виде, похищение детей, изнасилование и т.п.) и конкретных проблемах их жертв. Одним из предложенных решений с учетом положения потерпевшего была выплата компенсаций. Однако положительные стороны этой меры очень скоро потерялись на фоне того, как потерпевшие все чаще «с болью признавали, что получение денег от пассивных бюрократических органов не является панацеей от тех трудностей, которые им пришлось испытать» [7, с.252]. Одним из следствий их неудовлетворенности стала попытка наделить потерпевших более значительной ролью в процессе уголовного судопроизводства. Но эта новая фокусировка привела к еще большему усилению направленности уголовной политики, проводимой западными государствами, на личности преступника и на систему уголовного судопроизводства, а не на личности потерпевшего [13, с.209–225].

Представители радикальной виктимологии, как нам кажется, склонны рассматривать жертву в качестве главного элемента уголовного судопроизводства, на что указывают неоднократные отсылки к историко-правовому материалу, свидетельствующему о том, что в системе обычного права потерпевшие, как правило, имеют право решающего голоса в принятии решения в отношении преступника. Здесь потерпевший и его родственники контролировали степень наказания и, следовательно, степень удов-

летворенности наказанием, назначенным преступнику. Однако под угрозой усиления родовой вражды возникает потребность в общественном вмешательстве³.

С организации судопроизводства на основе писаного законодательства, как определил один из идеологов ранней виктимологии Э.А. Хобел, начинается процесс ограничения роли потерпевшей стороны [9]. В своем стремлении укрепить центральную власть государство фактически принимает на себя в судебном процессе ролевые функции пострадавшего. Конечно, конкретные потерпевшие появлялись на суде, чтобы давать показания, либо различными способами предоставляли информацию в систему уголовного судопроизводства, но они не были больше обвинителями и прокурорами, которые вершили правосудие над преступником. Помимо того, что потерпевшие были лишены возможности играть основную роль в уголовном процессе, они также потеряли важное право на определение сущности правонарушения, и государство начало прибегать к закону для определения правонарушения независимо от ощущения потерпевшей стороной относительно нанесенного ущерба. С точки зрения традиционной виктимологии это ознаменовало собой начало пренебрежения мнением потерпевшего: «Пренебрежение мнением потерпевшего это не просто результат безразличия, это логическое следствие законодательства, которое определяет правонарушение как преступление против государства» [18].

Исторически возрастающее безразличие государства к потерпевшим отразилось в изменении роли, которая отводилась им в уголовном судопроизводстве. Одно из проявлений такого «безразличия» виктимологи видели в изменении роли потерпевшего, к которому стали относиться прежде всего не как к человеку, которому был нанесен определенный ущерб, а как к субъекту, представляющему собой эмоциональную поддержку обвинения. Таким образом, государство игнорирует фактически нанесенный ущерб

и вместо этого концентрируется на преступнике, определяя «цену» за нарушение закона. Подобный процесс, в котором задействован потерпевший, не приводит к возмещению ущерба и, по сути дела, отводит жертве второстепенную роль. Реальный ущерб, таким образом, подчиняется теоретическим понятиям юридического ущерба, а определения «потерпевший», «жертва» становятся искусственными. Согласно утверждениям радикальных виктимологов, определение жертвы, используемое в традиционной виктимологии, полностью сконструировано, синтезировано в практике законодательства и судебного процесса.

Выдвинутая в 1983 г. Д. Блэком концепция преступления как «самопомощи» (self-help) базируется на критике лежащей в основе традиционной виктимологии дихотомии «жертва—преступник» [2, с. 34–45]. Его концепция предполагает, что по крайней мере некоторые преступники и жертвы могут рассматриваться как участники динамического и продолжающегося взаимодействия. В любой момент участники могут быть названы жертвой или преступником в зависимости от сцены взаимодействия. Например, при продолжающихся взаимоотношениях один из участников может прибегнуть к расплате («self-help», по Блэку) с другим за имевшую ранее место «виктимизацию». В этот конкретный момент бывшая жертва становится нынешним преступником, а бывший преступник – нынешней жертвой. Если взаимодействие продолжается, позиции могут вновь поменяться.

В данном контексте такой видный представитель радикальной криминологии 80–90-х гг., как Д. Катц, утверждал, что некоторые преступники признают и культивируют подобную идею «иррациональности» своего поведения [12]. Граждане среднего класса могут столкнуться с трудностями, пытаясь представить себе систему, в которой преступники и жертвы меняются местами в процессе действия, реакции, расплаты в неожиданно возникающих драмах, которые часто разыгрываются в социальных группах с повышенной виктимностью. Именно при таких обстоятельствах вмешательство системы уголовного судопроизводства необходимо для разграничения жертв и преступников. До подобного вмешательства

³ В трактовке современных «радикальных виктимологов» явно прослеживаются мотивы теории естественного состояния, «вражды всех против всех» и общественного договора, восходящей в ново-европейской традиции к Т. Гоббсу.

не существует жертв и преступников в обычных смыслах этих слов. «Типичные общественные и официальные концепции не могут зафиксировать все разнообразные подобные взаимодействия жертвы и преступника и предоставить мифически чистое и стереотипное представление о жертве» [12, с.27].

Д. Катц полагает, что внедрение подобных абстрактных представлений об отношении преступника и жертвы, препятствует реальным попыткам найти социальные корни преступления. В итоге и общественное сознание, и криминология имеют тенденцию объяснять преступление, ссылаясь преимущественно на вымышленные или реальные характеристики, относящиеся к преступнику. Таким образом, причины преступления и виктимизации личности воспринимаются как недостатки социализации личности или же как ее генетические свойства [23; 24; 25]. Фактор социальных предпосылок преступления либо игнорируется, либо становится второстепенным по сравнению с теми факторами, которые составляют «истинную сущность» преступника. В итоге подобный подход приводит к гипертрафированной акцентуализации уличных преступлений и отвлекает внимание от преступлений «белых воротничков». Последние обладают качествами, которые характерны для образа жертвы в представлениях среднего класса в большей степени, чем для образа уличного преступника. В итоге сами представители беловоротничковой преступности крайне редко воспринимают себя в качестве преступников, что, кстати, подтверждается и исследованиями российских криминологов.

Критикуя классическую дихотомию «жертва–преступник», представители новой волны виктимологии утверждают, что она неспособна охватить действительную сложность феномена преступления при том, что подобные версии доминируют в обществе и в средствах массовой информации. Анализируя причины воспроизводства такого подхода, они приходят к выводу, что его влияние связано с функциями поддержания существующего общественного порядка. В стереотипах массового сознания преступник воплощает собой зло, а жертва, наоборот, представляет образец нравственной чистоты. Поскольку в реальных ситуациях

не всегда можно провести настолько четкое разграничение, как в идеальном варианте, образы преступника и жертвы можно использовать как имиджевые средства для поддержания статуса легитимности общественного порядка. Эти средства становятся своего рода «социальным усилителем», который способствует разграничению и внедрению в массовое сознание моральной оценки различных социальных страт. Представители радикальной виктимологии указывают также на то, что конкретные формы общественного строя переплетены с конкретными имиджами участников-жертв и участников-преступников. Политико-правовая система, обеспечивающая устойчивость того или иного общественного строя, требует определенных ролей нарушителей закона и жертв. Если эти роли смешиваются или их определение вызывает вопрос, органы государственной власти должны вмешаться для перепределения ролей и более четкого установления их границ. Если не удастся с достаточной степенью четкости разграничить роли, это может привести к проблемам в законодательстве и в конечном счете в самом политико-правовом строе. Отсюда делается тот вывод, что стереотипные образы преступника и жертвы помогают поддерживать установленные социальные границы и являются необходимыми для поддержания любого общественного строя.

Для радикальной виктимологии 80–90-х гг. характерен интерес к проблемам использования символического имиджа жертвы для достижения различных интересов, выходящих за пределы проблем борьбы с преступностью. Так, согласно утверждениям Р. Элиаса, законодатели минимизировали проблемами жертвы преступления в личных, идеологических и политических целях [4; 5]. Систематический анализ практики применения законодательства в отношении потерпевших делает выводы этого криминолога весьма убедительными. Инициативы потерпевшего помогают в появлении и утверждении определений преступления и правосудия, что становится частью ораторских и законодательных кампаний и моделей применения закона. Различные общественные организации, фокусирующие свое внимание на уличных преступлениях, получают финансовую помощь и под-

держку со стороны правительства и других сторон, заинтересованных в «консервативной политике преступлений» [4, с.24].

Представители радикальной виктимологии указывают на то, что проблема виктимизации и предупреждения преступлений – это серьезный бизнес с участием поставщиков средств защиты и самозащиты, а также средств массовой информации, активно формирующих у граждан фобию виктимизации. Причем правительство прямо или косвенно стимулирует потребительский интерес (подобно тому как это происходит с большинством форм предпринимательства в капиталистической системе). Бизнес разглядел в жертвах неосвоенный рынок для продажи товаров и услуг. Пострадав в неприятной ситуации, многие жертвы стремятся приобрести продукцию, которая защитит их от дальнейшего ущерба. Элементом образа жертвы, который больше всего помогает промышленности, работающей на предотвращение преступлений, является точка зрения, что преступления – это события иррациональные и зависящие от случая. В таком случае каждый может стать жертвой преступления, разворачивающегося по самому ужасному сценарию. Компании, выпускающие сигнализацию, при таком подходе могут продавать самую дорогую из возможных систем сигнализации. Аналогичным образом компании-производители и розничные торговцы получают значительную выгоду от продажи автомобильной сигнализации и противоугонных систем [1].

Большое внимание радикальные криминологи уделяют вопросам обращения личности в потенциальную жертву государства. Так, М. Затс [17], исследуя материалы уголовного судопроизводства, приходит к выводу, что в его процессе происходит систематическое «наклеивание ярлыков» в отношении семьи и друзей преступника. Это – «виновность по причине близости проистекает из реакции на людей, близких преступнику, как если бы они тоже разделяли ту же сущность зла, которая приписывается преступнику. Это может в наибольшей степени отразиться на семье. Основываясь на популярных мифах и неправильных представлениях, как общество, так и судебная система допускают, что криминальность может и даже наверняка про-

исходит из семьи. Таким образом, если кто-либо из родителей, либо брат или сестра (или даже близкий родственник) становится клиентом системы уголовного судопроизводства, все остальные члены семьи попадают под пристальное внимание. Хотя мы не имеем прямых доказательств, мы можем предположить, что это явление в большей степени применимо к мужчинам, чем к женщинам, и в большей степени к молодежи, чем к старшему поколению. Кроме того, мы предполагаем, что весь этот процесс восприимчив также к классовому положению» [17].

Таким образом, важной заслугой радикальной виктимологии является обращение к исследованию воздействия, вызванного данной формой систематической виктимизации. В нашей стране мы также можем наблюдать, что лица, близкие преступнику, и попавшие под пристальное наблюдение со стороны системы уголовного судопроизводства, могут столкнуться с потерей своего социального статуса, потерей возможности адаптации в социуме. Фактически мы можем предсказать, что все это вместе составляет важный и еще малоисследованный криминогенный опыт. Хотя криминологические разработки радикальной виктимологии не дают полного объяснения криминальности, ассоциируемой с родственниками и друзьями преступника, но они устанавливают обоснованные рамки данной проблемы. Такого рода косвенное объяснение виктимизации социальных статусов может учитываться во взаимосвязи между различными социальными стратами и уровнем преступности.

То внимание, которое уделялось вопросам защиты прав и интересов жертвы со стороны «радикальных» виктимологов, находило отклик и в среде представителей традиционной, «классической» и «либеральной», криминологии и виктимологии: «Если многие виктимологи видят свои собственные приоритеты в области помощи жертвам, обращении с жертвой и предупреждения преступления, то это, конечно, не связано только с личной заинтересованностью. Скорее виктимология по своей социальной и криминально-политической позиции предрасположена именно к тому, чтобы основное внимание в своей деятельности уделить этой области, имея в виду значительные пробелы» [11, с.242]. Идея возмещения ущерба в

качестве своего рода компромисса между преступником и жертвой представлялась одним из перспективных направлений развития уголовного процесса, отвечающих требованиям справедливости. При этом возмещение ущерба жертве криминального насилия все в большей степени признавалось задачей общества и государства. Исследование вопроса об уровне возмещения ущерба как одной из целей наказания преступника связывается с вопросом о значении поведения жертвы для интерпретации уголовно-правового состава преступления и о значении действий потерпевшего в рамках уголовного процесса. Отношение преступника и потерпевшего, по утвердившейся на сегодняшний день точке зрения, исключительно важны и для понимания наказуемости деяния, и для контроля преступлений.

Радикальная виктимология решительно переносила центр своих исследовательских интересов в пространство социальных детерминант виктимности. В наибольшей степени ее интересовали проблемы причин трансформации количественных и качественных параметров виктимности, характерных в современ-

ных условиях для различных социальных групп. Весьма широко ставились и дискутировались вопросы ответственности общества и государства за виктимизацию личности, а также вопросы идентификации государственно-правовых институтов как потенциальных или актуальных авторов виктимизации.

Как нам представляется, во многом именно благодаря радикальной виктимологии в последние два десятилетия усиливается тенденция расширения виктимологических исследований на сферу социальных отношений более высокой степени общности. Объективной причиной этому стали по меньшей мере два фактора. Первый связан с внутренней логикой развития виктимологии, обуславливающей запрос на поиск наиболее фундаментальных объяснений механизма преступления, т.е. объяснений на социальном уровне. Второй является отражением общественных процессов, под влиянием которых наука формируется и трансформируется как социальный институт. Здесь, мы считаем, особенно большую роль сыграло направление радикальной криминологии и радикальной виктимологии.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Bivens M. England, Wales Crime Rates Increase; Victims Get Partial Blame // San Bernardino Sun, March 28, 1991.
2. Black D. Crime as Social Control // American Sociological Review. 1983.
3. Cultural Studies: United States // John Hopkins Guide to Literary Theory and Criticism / Ed. by M. Groden and M. Kreiswirth. Baltimore: John Hopkins University Press, 1994.
4. Elias R. The Politics of Victimization. New York, 1996.
5. Elias R. Victims of the System: Crime Victims and Compensation in American Politics and Criminal Justice. New York, 1983; Elias R. The Politics of Victimization. New York, 1996.
6. Friedrichs D. Victimology: A Consideration of the Radical Critique // Crime & Delinquency. 1983. № 29. P. 283–294.
7. Gels G. Crime Victims: Practices and Prospects // Victims of Crime. Edited by A. Lurigio, W. Skogan, and R. Davis. Newbury Park, 1990.
8. Green M. Cultural Studies // A Dictionary of Cultural and Critical Theory / Ed. by M. Payne.
9. Hoebel E. A. The Law of Primitive Man. Cambridge, 1954.
10. Horster D. Habermas zur Einführung. Hamburg, 1990.
11. Kaiser G. Kriminologie. Eine Einführung in die Grundlagen. Heidelberg, 1999.
12. Katz J. Seductions of Crime: The Moral and Sensual Attractions of Doing Evil. New York, 1988.
13. Murphy J. Getting Even: The Role of the Victim // Crime, Culpability, and Remedy Edited by E. F. Paul, F. Miller and J. Paul. Cambridge, 1999.
14. Maguire B., Radosh P. Introduction to Criminology. Belmont, 1999.
15. Phipps A. Radical Criminology and Criminal Victimization: Proposals for the Development of Theory and Intervention // Confronting Crime. Edited by R. Matthews and J. Young. Beverly Hills, 1986.

16. Sessar R. Über das Opfer. Eine viktimologische Zwischenbilanz. Berlin, 1985.
17. Zatz M. Chicano Youth Gangs and Crime: The Creation of a Moral Panic // *Contemporary Crises*. 1999. № 11. P. 149–158.
18. Zehr H., Umbreit M. Victim Offender Reconciliation: An Incarceration Substitute // *Federal Probation*. 1982.
19. Habermas J. Faktizität und Geltung: Beitrag zur Diskurstheorie des Rechts und des dem. Rechtsstaates. Frankfurt/Main, 1994.
20. Вандышев В.В. Правовые и этические проблемы использования виктимологии в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1977.
21. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
22. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997.
23. Руденский Е.В. Дефект социализации личности учащегося в образовательном процессе школы: генезис, феноменология, онтология. Теоретико-экспериментальное основание социально-педагогической виктимологии образования. Кемерово, 2003.
24. Руденский Е.В. Экспериментально-психологические основы социально-педагогической виктимологии. Новосибирск, 2000;
25. Рыбальская В.Я. Виктимологические проблемы преступности несовершеннолетних. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Иркутск, 1984.
26. Фарман И.П. Социально-культурные проекты Ю. Хабермаса. М., 1999.
27. Фурс В. Н. Критическая социальная теория в западной мысли 70–90-х годов XX века: типологическая реконструкция. СПб., 2002.
28. Фурс В.Н. Контуры современной критической теории. Минск, 2002.

REFERENCES:

1. Bivens M. England, Wales Crime Rates Increase; Victims Get Partial Blame // *San Bernardino Sun*, March 28, 1991.
2. Vlack D. Crime as Social Control // *American Sociological Review*. 1983.
3. *Cultural Studies: United States* // *John Hopkins Guide to Literary Theory and Criticism* / Ed. by M. Groden and M. Kreiswirth. Baltimore: John Hopkins University Press, 1994.
4. Elias R. *The Politics of Victimization*. New York, 1996.
5. Elias R. *Victims of the System: Crime Victims and Compensation in American Politics and Criminal Justice*. New York, 1983; Elias R. *The Politics of Victimization*. New York, 1996.
6. Friedrichs D. *Victimology: A Consideration of the Radical Critique* // *Crime & Delinquency*. 1983. № 29. R. 283–294.
7. Gels G. *Crime Victims: Practices and Prospects* // *Victims of Crime*. Edited by A. Lurigio, W. Skogan, and R. Davis. Newbury Park, 1990.
8. Green M. *Cultural Studies // A Dictionary of Cultural and Critical Theory* / Ed. by M. Payne.
9. Hoebel E. A. *The Law of Primitive Man*. Cambridge, 1954.
10. Horster D. *Habermas zur Einführung*. Hamburg, 1990.
11. Kaiser G. *Kriminologie. Eine Einführung in die Grundlagen*. Heidelberg, 1999.
12. Katz J. *Seductions of Crime: The Moral and Sensual Attractions of Doing Evil*. New York, 1988.
13. Murphy J. *Getting Even: The Role of the Victim* // *Crime, Culpability, and Remedy* Edited by E. F. Paul, F. Miller and J. Paul. Cambridge, 1999.
14. Maguire B., Radosh P. *Introduction to Criminology*. Belmont, 1999.
15. Phipps A. *Radical Criminology and Criminal Victimization: Proposals for the Development of Theory and Intervention* // *Confronting Crime*. Edited by R. Matthews and J. Young. Beverly Hills, 1986.
16. Sessar R. Über das Opfer. Eine viktimologische Zwischenbilanz. Berlin, 1985.
17. Zatz M. Chicano Youth Gangs and Crime: The Creation of a Moral Panic // *Contemporary Crises*. 1999. № 11. R. 149–158.
18. Zehr H., Umbreit M. Victim Offender Reconciliation: An Incarceration Substitute // *Federal Probation*. 1982.
19. Habermas J. Faktizität und Geltung: Beitrag zur Diskurstheorie des Rechts und des dem. Rechtsstaates. Frankfurt/Main, 1994.
20. Vandyshev V.V. *Pravovye i eticheskie problemy ispol'zovaniya viktimologii v sovetskom ugovolnom sudoproizvodstve*. L., 1977.
21. Dyurkgeym E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. M., 1991.

22. Inshakov S.M. Zarubezhnaya kriminologiya. M., 1997.
23. Rudenskiy E.V. Defekt sotsializatsii lichnosti uchashegosya v obrazovatel'nom protsesse shkoly: genezis, fenomenologiya, ontologiya. Teoretiko-eksperimental'noe osnovanie sotsial'no-pedagogicheskoy viktimologii obrazovaniya. Kemerovo, 2003.
24. Rudenskiy E.V. Eksperimental'no-psikhologicheskie osnovy sotsial'no-pedagogicheskoy viktimologii. Novosibirsk, 2000;
25. Rybal'skaya V.Ya. Viktimologicheskie problemy prestupnosti nesovershennoletnikh. Avtoref. diss. ... dokt. jurid. nauk. Irkutsk, 1984.
26. Farman I.P. Sotsial'no-kul'turnye proekty Yu. Khabermasa. M., 1999.
27. Furs V. N. Kriticheskaya sotsial'naya teoriya v zapadnoy mysli 70–90-kh godov KhKh veka: tipologicheskaya rekonstruktsiya. SPb., 2002.
28. Furs V.N. Kontury sovremennoy kriticheskoy teorii. Minsk, 2002.

ВИШНЕВЕЦКИЙ Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар
E-mail: kvishnevecky@mail.ru

Vishnevetskii K. V.

RADICAL VICTIMOLOGY: BACKGROUND AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article deals with radical victimology, which began to form in the 70s of the 20th century under the influence of such a noticeable intellectual trend as a critical social theory. The stages of formation and development of radical victimology, its representatives are analyzed.

The author notes that radical victimology has resolutely transferred the center of its research interests to the space of social determinants of victimization, the reasons for the transformation of the quantitative and qualitative parameters of victimization, characteristic in modern conditions for different social groups. In many respects thanks to radical victimology, in the last two decades the tendency of the expansion of victimological research into the sphere of social relations has been increasing.

Keywords: *victimology, radical victimology, radical criminology, victim, victimization.*

VISHNEVETSKII Kirill Valerievich, doctor of law, professor, chief of department of criminal law of the Ministry of Internal Affairs Krasnodar university of Russia, Krasnodar
E-mail: kvishnevecky@mail.ru

Дата поступления: 15.04.2018 г.

Муллахметова Н. Е.

ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ЗАЩИТЕ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются законодательные инициативы, направленные на защиту отдельных категорий жертв преступлений (пострадавших от семейного насилия, от террористических актов, а также представителей некоторых профессий – медработников, журналистов).

Ключевые слова: законопроект, жертва преступления, потерпевший, терроризм, семейное насилие, виктимность.

Ежегодно тысячи граждан и организаций становятся потерпевшими по уголовным делам, преступлениями им причиняется имущественный, физический или моральный вред. Так по данным МВД РФ в первом полугодии 2017 года 809500 лиц признано потерпевшими, в том числе 695079 физических лиц, из них в 20732 случаях был причинен тяжкий вред здоровью, погибли в результате преступных посягательств 13147 человек [1]. Закон провозглашает в качестве одного из принципиальных положений то, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ). В последние годы в нашей стране проблемам защиты жертв преступлений уделяется много внимания, о чем свидетельствует, например, принятие Федерального закона от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», а также Постановления Пленума от 29.06.2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

Вместе с тем, по-прежнему актуальными остаются вопросы, связанные с обеспечением прав и законных интересов жертв преступлений, в том числе о возмещении вреда, получении квалифицированной юридической помощи, об обеспечении доступа к правосудию, о применении мер безопасности и др.

Законодательские инициативы в названной сфере касаются чаще всего отдельных категорий жертв преступлений, которые, по мнению авторов проектов, нуждаются в особой защите. Так, например, большой общественный резонанс и тревогу вызывают террористические акты, жертвами которых становятся сотни людей. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ предусматривает меры, направленные на социальную и правовую защиту лиц, пострадавших от террористических актов, а также участвующих в борьбе с терроризмом (ст. 18-21). Но в дополнение к этим нормам совместными усилиями членов организации «Голос Беслана» и региональной общественной организации СЗППТ «Волга-Дон» подготовлен проект федерального закона «О социальной защите граждан, пострадавших от террористических актов». В дан-

ном законопроекте предлагается различать следующие категории граждан, пострадавших от террористических актов:

1) граждане Российской Федерации, пострадавшие от террористических актов на территории Российской Федерации;

2) родители, члены семьи (супруги, дети, братья, сестры, бабушки, дедушки) погибшие в теракте;

3) инвалиды вследствие террористических актов;

4) граждане другого государства, пострадавшие от террористических актов на территории Российской Федерации;

5) дети и подростки в возрасте до 18 лет, пострадавшие от террористического акта, включая тех, которые на день совершения террористического акта находились во внутриутробном состоянии, а также дети первого поколения граждан, пострадавших от террористического акта.

Для них предусматривается ряд льгот и компенсаций, в том числе бесплатное оказание медицинской помощи, выплата работающим инвалидам пособия по временной нетрудоспособности в связи с терактом до четырех месяцев подряд или до пяти месяцев в календарном году в размере 100 процентов среднего заработка, оплата занимаемой общей площади в домах государственного и муниципальных фондов, а также в приватизированных жилых помещениях (в пределах норм, предусмотренных действующим законодательством), в том числе и членам их семей, проживающим с ними, в размере 50 процентов квартирной платы, использование ежегодного очередного оплачиваемого отпуска в удобное для них время, а также получение дополнительного оплачиваемого отпуска продолжительностью 14 календарных дней, бесплатный проезд по территории Российской Федерации на всех видах городского пассажирского транспорта (кроме такси) и на автомобильном транспорте общего пользования (кроме такси) в сельской местности, а также на железнодорожном и водном транспорте пригородного сообщения и в автобусах пригородных маршрутов, бесплатный проезд по территории Российской Федерации с правом первоочередного приобретения билетов по железной дороге или на судах транзитных и местных линий речного флота один раз в год (туда и обратно), учащимся, студентам – два раза в год

(туда и обратно), а в районах, не имеющих железнодорожного сообщения, – воздушным, водным или междугородным автомобильным транспортом и др. [2]. Однако пока перспектив у этого законопроекта нет. Но жертвы террористических актов сегодня получают выплаты в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 15.02.2014 № 110 «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий».

Одной из особо уязвимых категорий являются несовершеннолетние потерпевшие. Мировое сообщество давно признало, что дети, вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства, нуждаются в особой защите. Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений, принятые Резолюцией ЭКОСОС 2005/20 от 22.07.2005 г., Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних от 14.12.1990 г. № 45/112 предполагают создание правовых механизмов, обеспечивающих несовершеннолетним жертвам преступлений право на эффективную помощь (финансовую, медицинскую, юридическую, педагогическую, социальную и пр.), на безопасность, особые правила допроса, принятие специальных профилактических мер. И Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ в УПК РФ были внесены изменения и дополнения, касающиеся усиления гарантий прав потерпевших, в том числе несовершеннолетних. В частности, ст. 45 УПК РФ теперь предусматривает обеспечение лицом, в чьем производстве находится уголовное дело о преступлении против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участия адвоката в качестве представителя такого потерпевшего за счет средств федерального бюджета. Но власти Ставропольского края пошли дальше в этом вопросе: здесь был принят Закон «О дополнительных гарантиях защиты прав несовершеннолетних, признанных потерпевшими в рамках уголовного судопроизводства», который вступил в силу с 1 января 2011 года. Этот закон гарантирует детям бесплатную юридическую и обязательную психологическую помощь [3].

Как известно, к факторам, обуславливающим повышенную виктимность, относится не только несовершеннолетний возраст, но и определенный род занятий, профессиональная принадлежность. В связи с участвовавшими случаями нападения на медицинских работников разработан законопроект № 139439-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников». Его разработчики указывают на то, что по данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, в 2016 году 1226 раз совершались противоправные действия, связанные с насилием в отношении медицинских работников, в том числе сотрудников скорой медицинской помощи, при исполнении ими служебных обязанностей, что в среднем составляет 1-2 нападения в месяц в субъекте Российской Федерации (пояснительная записка к законопроекту № 139439-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников»). Предлагается внести изменения в статьи 115 и 119 УК РФ, включив в части вторые этих статей квалифицирующие признаки «в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности», а также ввести уголовную ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи [4]. Однако данный проект еще нуждается в доработке, поскольку его название не соответствует содержанию, ведь предлагаемые изменения будут распространяться не только на медицинских работников. На это справедливо указано в Заключении Правового Управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 09.06.2017 г. № 2.2-1/2876.

Очевидно, что виктимоопасными являются и другие профессии, например, в группу риска входят журналисты. В связи с этим 10 июля 2013 года депутатами М.И. Сердюком и В.В. Трапезниковым в Государственную Думу был внесен проект федерального закона № 312683-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с усилением ответственности за совершение пре-

ступлений против лиц, занимающихся профессиональной деятельностью журналиста», который снят с рассмотрения. В законопроекте предлагалось дополнить пункт «ж» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации новой формулировкой, предусматривающей в качествеотягчающего наказания обстоятельство совершения преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом не только служебной, но и профессиональной деятельности. Одновременно предлагалось дополнить статью 144 «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов» УК РФ новыми частями четвертой и пятой. Так, проектируемая часть 4 статьи 144 УК РФ предусматривает ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения насилия в отношении журналиста или его близких в связи с исполнением им своей профессиональной деятельности. Также авторы проекта предлагали включить в ст. 144 УК РФ примечание, содержащее определение понятия «журналист». На необходимость усиления гарантий защиты журналистов от преступных посягательств указывалось и в публикациях некоторых юристов [5]. Но названный законопроект не был поддержан, а в отзывах на него приводились такие доводы: определение журналиста, данное в проектной примечании к статье 144 УК РФ, представляется излишним, поскольку такое определение имеется в статье 2 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации». Кроме того, деятельность журналиста всегда является общественно значимой, поэтому совершение преступления в отношении журналиста в связи с его профессиональной деятельностью всегда можно квалифицировать как преступление, совершенное в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга [6].

В России также идет поиск оптимальных правовых механизмов снижения уровня преступности в семейно-бытовой сфере. Так, в России в июле 2016 года вступили в силу изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы в части ответственности за побои. В начале

2017 года законодатель снова вернулся к этому вопросу и пересмотрел ранее принятые нормы о побоях. Значительное число совершаемых убийств, причинения тяжкого вреда здоровью связаны с семейно-бытовыми конфликтами, и это требует реализации целого комплекса мер. В 2016 году в Государственную Думу был внесен проект закона «О профилактике семейно-бытового насилия». Здесь даны определения понятиям «семейно-бытовое насилие», «пострадавший», «физическое насилие», «психологическое насилие», «сексуальное насилие». Законопроект предусматривает предоставление пострадавшим от семейно-бытового насилия прав на:

1) обращение в органы государственной власти для получения социально-правовой защиты, а также для защиты прав, предусмотренных настоящим Федеральным законом;

2) транспортировку в безопасное место, либо в организацию социального обслуживания с согласия пострадавшего;

3) получение всех видов бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации;

4) обращение за защитным предписанием и (или) судебным защитным предписанием в соответствии с настоящим Федеральным законом;

5) возмещение имущественного ущерба и компенсацию морального вреда, причиненного семейно-бытовым насилием [7].

Все приведенные выше законодательные инициативы связаны с защитой отдельных категорий жертв преступлений. Но уже несколько лет обсуждается вопрос о принятии закона, который был бы направлен на обеспечение прав и законных интересов всех потерпевших. Речь идет о проекте закона «О потерпевших от преступлений», размещенном на сайте Следственного комитета РФ [8]. Данный законопроект не раз обсуждался и на страницах юридических изданий [См., напр.: 9].

В ст. 6 законопроекта названы цели, которые преследует государство, выплачивая потерпевшему компенсацию:

1) восстановление социальной справедливости;

2) доступность и справедливость ком-

пенсации потерпевшему, в том числе в случаях, когда виновное в совершении преступления лицо не установлено, скрылось, не может быть подвергнуто судебному преследованию или наказано;

3) оперативность в решении вопроса о предоставлении компенсации потерпевшему.

В соответствии со ст. 7 проекта государство должно гарантировать предоставление денежных компенсаций:

1) потерпевшему, который в результате совершения в отношении его преступления:

а) получил тяжкий вред здоровью или заразился ВИЧ-инфекцией;

б) получил вред здоровью любой степени тяжести, если преступление было совершено близким родственником потерпевшего, от которого он находится в материальной зависимости;

в) стал жертвой сексуального насилия;

г) находится в затруднительном материальном положении, в связи с совершением в отношении него кражи, мошенничества, вымогательства, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленного уничтожения или повреждения имущества, при условии, что его ежемесячный доход ниже двукратного размера прожиточного минимума;

2) иждивенцам потерпевшего, который умер в результате совершения преступления или в связи с полученным от преступления вредом здоровью.

Для выплаты компенсаций жертвам преступлений необходимо создание специального Фонда. Предполагается, что финансирование Фонда должно осуществляться за счет штрафов, назначаемых в качестве уголовного наказания; государственных средств, полученных от конфискации имущества в порядке, установленном уголовным законодательством Российской Федерации; государственных средств, полученных от реализации вещественных доказательств по уголовному делу; сумм залогов, внесенных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, и обращенных в доход государства; доходов от инвестирования части временно свободных средств Фонда в ликвидные государственные ценные бумаги и банковские вклады, добровольных взносов граждан

и юридических лиц; поступлений иных финансовых средств, не запрещенных законодательством.

С учетом недавних изменений уголовного закона, внесенных Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ, можно добавить, что пополняться данный Фонд мог бы и за счет судебных штрафов (гл. 15.2 Уголовного кодекса РФ). В специальной литературе можно встретить также проекты Положений о государственном фонде возмещения вреда жертвам преступлений [10, с. 349-363].

Конечно, нельзя отрицать, что и несовершеннолетние жертвы преступлений, и пострадавшие от террористических актов, журналисты, медицинские работники и пациенты требуют особой защиты. Но не должны оставаться без государственной поддержки и другие категории потерпевших. И необходимо найти средства и создать эффективные правовые механизмы для оказания надлежащей социальной, правовой, психологической помощи всем потерпевшим.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Информация о преступлениях, по которым имеются потерпевшие // Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/открытые-данные/7727739372-MVDGIAC310> (дата обращения 29.03.2018)

2. Проект закона «О социальной защите граждан, пострадавших от террористических актов». [Электронный ресурс]. URL: http://www.golosbeslana.ru/proekt_zakona.htm (дата обращения 29.03.2018)

3. Закон Ставропольского края от 11 ноября 2010 г. № 94-кз «О дополнительных гарантиях защиты прав несовершеннолетних, признанных потерпевшими в рамках уголовного судопроизводства». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/27175868/> (дата обращения 29.03.2018)

4. Проект федерального закона № 139439-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников». [Электронный ресурс]. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/D02E759729F7A0A6432580F700418230/\\$File/139439-7.PDF?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/D02E759729F7A0A6432580F700418230/$File/139439-7.PDF?OpenElement) (дата обращения 29.03.2018)

5. Астахов П.А. Защита журналиста – особая привилегия гражданского общества // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 11. Серия Юридическая. – С. 32-37.

6. Заключение Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству по проекту федерального закона № 312683-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с усилением ответственности за совершение преступлений против лиц, занимающихся профессиональной деятельностью журналиста». [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/312683-6> (дата обращения 29.03.2018)

7. Проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» № 1183390-6. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/pril/article/131/36/91/Semejnoe_nasilie.pdf (дата обращения 29.03.2018)

8. Проект Федерального закона «О потерпевших от преступлений». [Электронный ресурс]. URL: <http://sledcom.ru/document/1130> (дата обращения 29.03.2018)

9. Ахмедшина Н.В. О потерпевших от преступлений // Виктимология. – 2015. – 1 (3). – С. 11-15.

10. Мусаев М.А. Защита жертв преступлений. – М.: Человек, 2012.

REFERENCES:

1. Informatsiya o prestupleniyakh, po kotorym imeyutsya poterpevshiye // Ofitsial'nyy sayt MVD RF. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://mvd.rf/otkrytyye-dannyye/7727739372-MVDGIAC310> (data obrashcheniya 29.03.2018)

2. Proyekt zakona «O sotsial'noy zashchite grazhdan, postradavshikh ot terroristicheskikh aktov». [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.golosbeslana.ru/proekt_zakona.htm (data obrashcheniya 29.03.2018)

3. Zakon Stavropol'skogo kraya ot 11 noyabrya 2010 g. № 94-kz «O dopolnitel'nykh garantiyakh zashchity prav nesovershennoletnikh, priznannykh poterpevshimi v ramkakh

уголовного судопроизводства». [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/27175868/> (data obrashcheniya 29.03.2018)

4. Projekt federal'nogo zakona № 139439-7 «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i stat'yu 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v chasti zashchity zhizni i zdorov'ya patsiyentov i meditsinskikh rabotnikov». [Elektronnyy resurs]. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/D02E759729F7A0A6432580F700418230/\\$File/139439-7.PDF?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/D02E759729F7A0A6432580F700418230/$File/139439-7.PDF?OpenElement) (data obrashcheniya 29.03.2018)

5. Astakhov P.A. Zashchita zhurnalista – osobaya privilegiya grazhdanskogo obschestva // Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2009. – № 11. Seriya Yuridicheskaya. – S. 32-37.

6. Zaklyucheniye Komiteta Gosudarstvennoy Dumy po grazhdanskomu, ugolovnomu, arbitrazhnomu i protsessual'nomu zakonodatel'stvu po projektu federal'nogo zakona № 312683-6 «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s usileniyem otvetstvennosti za soversheniye prestupleniy protiv lits, zanimayushchikhsya professional'noy deyatel'nost'yu zhurnalista». [Elektronnyy resurs]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/312683-6> (data obrashcheniya 29.03.2018)

7. Projekt Federal'nogo zakona «O profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya» № 1183390-6. [Elektronnyy resurs]. URL: https://rg.ru/pril/article/131/36/91/Semejnoe_nasilie.pdf (data obrashcheniya 29.03.2018)

8. Projekt Federal'nogo zakona «O poterpevshikh ot prestupleniy». [Elektronnyy resurs]. URL: <http://sledcom.ru/document/1130> (data obrashcheniya 29.03.2018)

9. Akhmedshina N.V. O poterpevshikh ot prestupleniy // Viktimologiya. – 2015. – 1 (3). – S. 11-15.

10. Musayev M.A. Zashchita zhertv prestupleniy. – M.: Chelovek, 2012.

МУЛЛАХМЕТОВА Наталья Евгеньевна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии (г. Смоленск), кандидат юридических наук, доцент
E-mail: nati16011978@mail.ru

Mullakhmetova N. E.

LEGISLATIVE INITIATIVES FOR THE PROTECTION OF VICTIMS

The article deals with legislative initiatives aimed at protecting certain categories of victims of crime (victims of domestic violence, from terrorist acts, as well as representatives of some professions - medical workers, journalists).

Keywords: bills, victim of crime, victim, terrorism, family violence, victimization.

MULLAKHMETOVA Natalia, associate professor of the Department of Criminal Legal Disciplines of the Smolensk branch of the Saratov State Law Academy (Smolensk), Ph.D., Associate Professor
E-mail: nati16011978@mail.ru

Дата поступления: 15.01.2018

Бойко О. А., Панов С. Л.

ПОКУПАТЕЛЬ КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ: ЖЕРТВА ИЛИ СОУЧАСТНИК?

В статье рассмотрены проблемы, связанные с оборотом на потребительском рынке страны контрафактной продукции; исследованы суждения граждан о данном негативном явлении и их отношении к случаям приобретения товаров с признаками контрафактности; изучены аспекты, связанные с возможностью введения уголовной ответственности к покупателям, приобретающим продукцию, изготовленную с нарушением права на товарный знак.

Ключевые слова: потребительский рынок, покупатель, контрафактная продукция, опрос покупателей, ответственность за приобретения контрафакта.

С проблемой контрафактной и фальсифицированной продукции Россия столкнулась еще в конце 90-х годов прошлого века, когда вместе с пришедшим товарным изобилием на потребительский рынок страны хлынул поток всевозможных подделок под «фирму». В настоящее время распространение (оборот) контрафактной и фальсифицированной продукции представляет одну из острых и актуальных проблем для экономики Российской Федерации. По мнению экспертов производство, незаконное перемещение на таможенную территорию страны и реализация контрафактной продукции составляет значимую часть отечественного потребительского рынка и оценивается в годовом исчислении приблизительно в 4 млрд. долларов [2]. Указанная ситуация усугубляется тем, что у производителей контрафакта на сегодняшний день имеются «широкие» возможности (материальные, технологические, полиграфические, логистические) изготавливать продукцию, нарушающую права собственников товарного знака с достаточно «высо-

кой» степенью схожести по внешнему виду и качеству с оригинальной продукцией, реализовывая ее через торговые точки, в которых потребители реже ожидают натолкнуться на контрафакт.

В настоящее время на отечественном потребительском рынке сложилась ситуация «негласного сговора» между потребителями контрафактного товара, с одной стороны и производителями и сбытчиками данной продукции, с другой. Определенное количество покупателей, несмотря на то, что в целом негативно относятся к контрафактной продукции, могут при этом быть его потребителями («осуждаю, но покупаю»). Данный феномен получил название амбивалентности отношения к контрафактной продукции [7, с. 118]. В связи с этим немаловажный интерес представляет отношение (позиция) российских покупателей к наличию на рынке контрафактной продукции.

Так, проведенный опрос покупателей города Омска показал, что около 75% респондентов не исключают фактов несоответствия продаваемых вещей, изделий и

продуктов установленным стандартам, товарным знакам известных фирм - производителей. По мнению 82% покупателей в настоящее время качество контрафактной продукции существенно возросло, поэтому отличить подделку от оригинала становится все сложнее. Более 45% опрошенных граждан полагают, что под термином «контрафактные товары» понимаются любые изделия, которые не соответствуют необходимому качеству, стандарту; 32,4% респондентов считают, что эта продукция, выпущенная под маркой известных фирм, брендов; 18,6% граждан-покупателей затруднились с ответом по характеристике указанного термина.

Отечественные покупатели, приобретаая по заведомо низкой цене брендовый продукт, прекрасно понимают, – что это контрафактный (поддельный) товар. К причинам приобретения товаров, попадающих под признаки контрафактных респонденты относят: цена подлинного товара слишком высока – 40,3% ответов; хотели приобрести товар аналогичного качества по цене ниже стоимости оригинала – 42% респондентов; 14,4% респондентов хотели купить новинку (например, контрафактный DVD-диск с фильмом, не вышедшем официально в прокат), не дожидаясь появления на рынке лицензионных экземпляров; другие мотивы (купил первую попавшую вещь в качестве подарка, поэтому не задумывался над происхождением товара; приобретенная контрафактная продукция не представляет угрозу для здоровья и др.) – около 4%.

Более половины опрошенных (52,7%), понимая, что приобретают заведомо поддельную продукцию (в основном это текстиль, обувь, косметика, спиртные напитки) тем не менее, отдавали предпочтение именно тому изделию, на котором были помещены обозначения известных торговых марок, фирм. При этом приобретаая и потребляя контрафактные товары, такого рода покупатели получают «символические преимущества», позволяющие им продемонстрировать окружающим желаемый социальный статус и создать идентичность с вожаками группой лиц (например, кумирами спорта и шоу-бизнеса) [4].

Заслуживает внимание мнение 23,1% покупателей из числа материально благополучных граждан о том, что даже при

приобретении товаров известных фирм и по «высокой» цене, а также в специализированных торговых предприятиях, они не исключают факта возможной покупки контрафактного или фальсифицированного продукта.

Более 85% покупателей не задумывались над вопросом о том, что, приобретая контрафактный товар, они тем самым способствуют недобросовестным производителям и сбытчикам продукции в получении незаконной прибыли и нарушают тем самым авторские права законных правообладателей на объекты интеллектуальной собственности. Причинами отказа от приобретения контрафакта, по мнению опрошенных покупателей, могут послужить следующие обстоятельства: боязнь угрозы здоровью – 59%; ненадежность приобретенного товара (например, бытовая техника) – 18%; нежелание поддерживать «мошенников» – 4,5%; нежелание причинить ущерб правообладателю – около 1%(!).

Около 60% опрошенных покупателей не считают необходимым следствием ужесточение наказания за реализацию контрафактной продукции (за исключением товаров, угрожающих здоровью), так как сами «подталкивают» производителей и реализаторов на незаконную деятельность.

В сложившейся ситуации отдельные представители правоохранительных органов выступают с предложением о целесообразности введения в законодательство страны административной и (или) уголовной ответственности для покупателей, осознанно приобретающих контрафактную продукцию [5, с. 23]. По их мнению, гражданин, приобретающий тот или иной брендовый товар за цену, которая в разы ниже, чем она должна бы быть, прекрасно осознает, что покупает контрафактную продукцию, способствуя тем самым (являясь, по сути, соучастником сбыта контрафакта) незаконной деятельности лиц, изготавливающих и реализующих продукцию с нарушением прав на товарный знак (наименование). С целью реализации данного предложения необходимо или внести в уголовный кодекс новую статью, или соответствующие изменения в содержание действующей статьи 180 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконное использование чужого товарного знака.

К одному из аргументов в пользу введения ответственности в отношении покупателей за приобретение заведомо контрафактной продукции можно отнести и опыт ряда европейских стран [3, с. 90-91], в которых после введения в законодательство такой нормы оборот контрафакта значительно сократился. Так, в Италии с 2005 года применяется административное наказание по отношению к покупателям контрафактной продукции. В этой стране средний штраф за такое правонарушение составляет до 10 тыс. евро. При этом были прецеденты, когда туристов и граждан страны штрафовали на несколько тысяч евро за покупку на улице с рук дешевых поддельных сумок или солнцезащитных очков. Однако эксперты отмечают сложности применения указанной меры, учитывая крупные суммы штрафа. Нарушители, как правило, не всегда оказывались способными расплатиться с полицией на месте, поэтому данная мера рассматривается скорее как устрашающая. Во Франции предусмотрена ответственность для лиц, которые приобрели за границей для личного пользования и ввезли на территорию страны контрафактную продукцию. В случае выявления таких товаров на таможне гражданам грозит как минимум конфискация и штраф, рассчитываемый исходя из стоимости подлинных вещей. Изъятию могут подлежать даже вещи, которые находятся непосредственно на задержанных гражданах. В «худшем» случае задержанным лицам может грозить заключение под стражу сроком до трех лет.

Что касается необходимости введения ответственности приобретателей контрафакта. В этом случае применение административного или уголовного наказания за приобретение контрафактной продукции предполагает как минимум наличие умысла в действиях покупателей. При этом возникают большие вопросы в отношении соблюдения прав добросовестных покупателей, не располагающих при посещении торговых предприятий специальными знаниями или не осведомленных о требованиях, предъявляемых к той или иной приобретаемой ими продукции. В противном случае ответственность за проверку подлинности товара автоматически перекладывается именно на покупателей [1]. Например, в

том случае, когда покупатель приобрел брендовую бытовую технику, автомобиль, при изготовлении которых были использованы контрафактные детали. Кроме того, в последнее время отечественный покупатель привык к различным акциям, связанным с распродажей товаров (в том числе и известных брендов), поэтому низкая цена на контрафактный товар, выдаваемый за оригинальную продукцию, их не настораживает. Нередко при покупке контрафактной продукции, в числе которой могут оказаться лекарственные средства, алкогольная продукция, продукты питания сам покупатель становится пострадавшим в результате потребления поддельных, некачественных товаров.

Говоря об использовании зарубежного опыта, следует отметить, что в законодательстве большинства стран мира какая-либо ответственность покупателей за приобретение контрафакта отсутствует. С учетом экономической ситуации в стране, состоянием отечественного потребительского рынка, покупательской активности граждан, практикой применения законодательства в указанной области – полагаем, что возможное введение уголовной ответственности покупателей за приобретение контрафакта может представлять определенную опасность, так как в случае наличия такой нормы отечественные правоохранительные органы в погоне за статистикой будут чаще выявлять и наказывать слабо информированных покупателей, а не производителей (продавцов) контрафакта по принципу «доступности» объекта воздействия.

В области незаконной реализации товаров существует также гражданско-правовая ответственность, которая обычно воплощается в восстановлении прав правообладателя, выплате компенсации и уничтожении контрафакта. Так, в п. 1 ст. 1252 ГК РФ [6] указывается, что защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности осуществляется путем предъявления соответствующего требования к недобросовестному приобретателю. По смыслу ст. 302 ГК РФ, добросовестным приобретателем признается человек, который приобрел имущество у лица, не имевшего права его отчуждать, о чем приобретатель не только не знал, но и не мог знать. Только в противном случае он считается недо-

бросовестным приобретателем. Кроме того, покупатель может сослаться на то обстоятельство, что приобретенный им и оказавшийся в последствие контрафактным товар реализован ему через определенную торговую точку, которая должна нести ответственность за качество реализуемой ими продукции.

Вышесказанное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Российское законодательство в настоящее время не предусматривает ответственности граждан за приобретение контрафактной продукции, но, тем не менее, отечественные потребители должны понимать, что покупая заведомо контрафактную продукцию, они тем самым поддерживают «серый» рынок и поощряют

незаконную предпринимательскую деятельность.

2. На снижение объемов контрафактной продукции на потребительском рынке страны может повлиять: во-первых, дальнейшее повышение эффективности деятельности всех субъектов (правоохранительные и надзорные органы, законопослушные предприниматели, общественные формирования) по противодействию данному негативному явлению; а, во-вторых, формирование в среде отечественных потребителей нравственно-правовой позиции вокруг приобретения и потребления контрафакта, а также рост покупательной способности и улучшения качества жизни российских граждан.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Зегонов О. За контрафакт сядет покупатель URL: <https://infox.ru/news...43122-zakontrafakt-sadet-pokupatel> (дата обращения: 23.02.2018).

2. Золотар С. Контрафакт: угроза экономике, убытки брендов и проблемы ментальности. URL: <https://new-retail.ru> (дата обращения: 25.02.2018).

3. Корчагин А.Д. Правовое регулирование борьбы с контрафактом в России и за рубежом: сравнительный анализ // Интеллектуальная собственность. Контрафакт. Актуальные проблемы теории и практики. Сборник научных трудов. Т. 2. Контрафакт. – М., 2009. – С. 82-121.

4. Неяскин Г. Богатые и умные тоже покупают подделки. URL: <https://republic.ru/posts/25968> (дата обращения: 25.02.2018).

5. Пивень Е.Г. Таможня дает добро на контрафакт? // Патенты и лицензии. – 2014. – № 2. – С. 22-24.

6. Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)»: в ред. Федерального закона от 29 декабря 2017 года № 459-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

7. Храмова Е. Амбивалентность отношения потребителей к контрафактной продукции // Электронный журнал. Экономическая социология. – 2012. – Т.3. – № 4. – С. 116-154.

REFERENCES:

1. Zegonov O. for counterfeit will sit buyer URL: <https://infox.ru> “news ... 43122-zakontrafakt-sadet-pokupatel (accessed 23.02.2018).

2. Zolotar S. Counterfeiting: threat to the economy, loss of brand and problem of mentality. URL: <https://new-retail.ru> (circulation date: 25.02.2018).

3. Korchagin A. D. the Legal regulation of the fight against counterfeiting in Russia and abroad: comparative analysis // Intellectual property. Counterfeit product. Actual problems of theory and practice. Collection of scientific papers. Vol.2. Counterfeit product. – М., 2009. – С. 82-121.

4. Neyaskin G. Rich and smart, too, buy forgery. URL: <https://republic.ru/posts/25968> (accessed: 25.02.2018).

5. Piven E. G. Customs gives good on counterfeit? // Patents and licences. – 2014. – No. 2. – P. 22-24.

6. Federal law No. 51-FZ of 30 November 1994 “Civil code of the Russian Federation (part one)”: as amended by Federal law No. 459-FZ of 29 December 2017. 1994. No. 32, article 3301.

7. Hramova E. Ambivalence of attitude of consumers to counterfeit products // Electronic journal. Economic sociology. – 2012. – Т. 3. – No. 4. - Pp. 116-154.

БОЙКО Ольга Альбертовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии, психологии и педагогики, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск
E-mail: mario011@mail.ru.

ПАНОВ Сергей Леонидович, кандидат юридических наук, ветеран МВД России, г. Омск
E-mail: spanov1960@mail.ru

Boyko O. A., Panov S. L.

THE BUYER OF COUNTERFEIT PRODUCTS: VICTIM OR ACCOMPLICE

The article deals with the problems related to the turnover in the consumer market of counterfeit products; investigated citizens' judgments about this negative phenomenon and their attitude to the cases of acquisition of goods with signs of counterfeiting; studied aspects related to the possibility of introducing criminal liability to buyers purchasing products manufactured in violation of the right to a trademark.

Keywords: Consumer market, buyer, counterfeit products, customer survey, responsibility for purchasing counterfeit goods.

BOYKO Olga Albertovna, candidate of legal Sciences, Associate Professor of criminology, psychology and pedagogy, Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, Omsk
E-mail: mario011@mail.ru

PANOV Sergey Leonidovich, A veteran of the MIA of Russia, candidate of legal Sciences, Omsk
E-mail: spanov1960@mail.ru

Дата поступления: 07.04.2018 г.

Васильев С. А.

ЖЕРТВА И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК СУБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Данная статья посвящена проблемам существования потенциальных жертв преступлений и иных правонарушений в современной России. С точки зрения соотношения таких субъектов права, как человек и государство, в работе сделана попытка обосновать необходимость более пристального государственного внимания к защите прав потерпевшего и тех лиц, которые потенциально могут оказаться в роли таковых.

Ключевые слова: потерпевший, жертва преступления, потенциальная жертва, правоотношения, защита прав, человек и его права, теория соотношений.

В последние годы опубликовано большое количество работ, посвященных вопросам правоотношений в различных сферах общественной жизни. Основная их масса все же отталкивается от норм действующего права, чаще всего предполагая, что как та или иная сфера общественной жизни урегулирована, так в жизни все и происходит. Чаще всего указанная позиция находит свое отражение на практике, однако вопросы защиты прав жертв преступлений, к сожалению, недостаточно урегулированы. И.В. Мисник и вовсе считает, что с юридической точки зрения преступники, подсудимые, обвиняемые защищены в куда большей степени, чем потерпевшие [9, с. 3]. В этом по большей части нет вины законодателя, т.к. недостаточно изучены соответствующие правоотношения по целому ряду причин. Одной из них является недостаточно глубокая доктринальная проработка определения правового статуса жертв преступлений, отталкиваясь от тех правоотношений, в которых они оказываются в результате претерпевания преступления.

Описанные выше правоотношения по Русской правде Ярослава Мудрого [13, с.75–86] или закону талиона [7, с.13]

строились бы между жертвой и преступником, но современное государство, провозгласив в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ только себя в качестве легитимного карателя, такого не допускает [15]. Поэтому правоотношения, в которых участвует жертва после того как перенесенные жизненные трудности такого лица признаны судом в качестве преступления, строятся в соотношении с государством.

Взаимоотношения между гражданином и государством О.Е. Кутафин отмечал в качестве обязательного условия полноценной реализации прав граждан наличие развернутых юридических процедур, позволяющих решить максимально возможное количество самых разных ситуаций, с которыми сталкиваются люди [8, С. 320]. Возможно, для этой цели в современной России действует огромное количество нормативных правовых актов, регулирующих самые разные общественные отношения, которые, порой, не имеют к праву совершенно никакого отношения.

В.М. Гессен считал, что соотношения правительства и отдельной личности являются именно правоотношениями – т.е.

отношением между правовыми субъектами, изначально юридически равными друг другу. Это отличает властотношения, в рамках которых субъект оказывает воздействие на подвластный ему объект [5, с.56].

В Европе же бытовало иное мнение, согласно которому координация деятельности людей, управление ими, даже если последние того не желают, считалось долгом власти [3, с.261]. То есть, люди самостоятельно принимают решения, осуществляют активные действия, государство же вносит лишь некоторые коррективы.

В случае с жертвами преступления все так и выходит в конечном итоге: государство инициативно не стремится активным образом восстановить нарушенные права человека, оставляя только юридические гарантии и иные условия, с помощью которых потерпевший должен инициативно обращаться в компетентные органы, восстанавливать справедливость, преодолевая бюрократизм, доказывая свою правоту, собирая справки, иные документы, дополнительные доказательства, о чем ярко свидетельствует ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ [14].

Конкретные виды государственной защиты жертвы преступления перечислены в гл. 2 Федерального закона от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [10], однако на практике следует обосновать необходимость их реализации.

Так, статус потерпевшего еще необходимо «заслужить», соблюдая фактические и юридические основания. Жертва преступления должна быть готовой в любой момент подтвердить то обстоятельство, что в отношении нее был причинен вред (фактическое основание), а также необходимо юридическое оформление самого преступного посягательства компетентным лицом. Описывая данные обстоятельства в свое работе М.К. Джашуев, отмечает также то, что в уже упоминавшейся ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ прописаны процессуальные права потерпевшего для того, чтобы он мог восстанавли-

вать свои права. При этом автор справедливо употребляет такие слова, как «бороться», «добиваться» и др. [6, с.90–91].

М.С. Сирик отмечает, что в России отсутствует целостная всеобъемлющая государственная виктимологическая доктрина, направленная на качественное и эффективное государственное воздействие на правоотношения с целью защиты прав потерпевших. Это, в свою очередь, обуславливает неправильную квалификацию отдельных преступлений, искаженный статистический учет и ряд других криминологических последствий, негативным образом влияющих на соблюдение и защиту прав человека в России [11, с.4].

Кроме того, недостаточно эффективная защита потерпевшего и иных потенциальных жертв преступления негативным образом влияет на сам ход уголовно-процессуального разбирательства, т.к. люди боятся участвовать в указанных процедурах, умалчивают известные им факты и в целом не мотивированы на плодотворное сотрудничество с государством [18, с.113].

В этой связи предлагается переместить парадигму самих правоотношений между государством и потерпевшим, согласно которому публичная власть посредством работы своих компетентных органов должна инициативно самостоятельно решать проблемы потерпевших, в особенности тех лиц, которые стали жертвами тяжких и особо тяжких преступлений. С моей точки зрения, об оперативных мерах по поддержке или защите потерпевшего должен инициативно принимать решение субъект, возбудивший уголовное дело с письменного согласия самого защищаемого. Социальные и иные меры могут приниматься государством после вынесения приговора преступнику.

При этом, безусловно, необходимо не просто учитывать объективную необходимость принятия соответствующих мер со стороны государства, но и выработать определенные критерии рекомендательного характера, служащие ориентиром лицу, принимающему решение о применении мер защиты пострадавшего. Исходя из судебной практики, средств массовой информации, приходится констатировать большое количество случаев, когда в обычных бытовых условиях муж систематически избивает жену, последняя

в редких случаях, не выдерживая, обращается в правоохранительные органы, которые задерживают фактического преступника, а через какое-то время выпускают его обратно. После этого все возвращается на круги своя. Как справедливо замечает К.В. Вишневецкий, некоторые люди, как, например, в описанном примере, сами изначально являются потенциальными жертвами правонарушений, что является их индивидуальной особенностью [4, с.212].

Здесь же следует отметить, что уголовное законодательство, как материальное, так и процессуальное, фактически создало такую ситуацию, при которой любой из нас является незащищенным. Так, пока не совершено преступление, какая бы угроза ни нависала над каждым из нас, правоохранительные органы не смогут защитить человека, совершенно справедливо не имея на то законных оснований. Так, на протяжении 2013-2014 годов жительница города Домодедово Московской области несколько раз обращалась к участковому уполномоченному полиции с жалобами на то, что владелец собаки, проживающий с ней в одном подъезде, выпускает своего питомца на улицу, в подъезд многоквартирного жилого дома без поводка и намордника. Данная собака бросалась на людей, держа в страхе весь подъезд. Полиция не могла никак отреагировать на данные обращения, беседы с владельцем собаки не давали результата. Фактически все находилось в ожидании того, как один из соседей окажется покусанным. Таким образом, все жители описанного подъезда и близлежащих окрестностей фактически являлись потенциальными жертвами, пусть не преступления, но халатности, способной привести к негативным последствиям.

В практике Европейского суда по правам человека существует понятие потенциальной жертвы, которое относится к отношениям потерпевшего, хоть и потенциального, и государства, на территории которого он находится. Сущность данной категории сводится к тому, что законодательство государства или правоприменительная практика потенциально способна в будущем негативным образом сказаться на таком человеке [1, с.36]. Данный опыт, по моему мнению, вполне возможно применить к российскому уголовно-правовому регулированию с соот-

ветствующей процессуальной адаптацией к осуществляемым правоотношениям.

Отдельные составы преступлений превращают обычных, ничего не подозревающих граждан в потенциальных жертв преступлений. Например, Е. М. Юцкова считает, что терроризм в качестве жертвы преступления должен предполагать не только тех лиц, которые пострадали от соответствующих действий, являются потерпевшими, но и всех остальных граждан, которые начинают бояться посещать публичные мероприятия, опасаются лиц, выглядящих подозрительно и т.д. [17, с.84]. Ю.В. Бутова особым образом отмечает подверженность детей такому негативному воздействию со стороны террористов [2, с.32–24]. Е.В. Шевченко справедливо относит детей, в особенности отдельные их категории к изначальным потенциальным жертвам негативного воздействия на них извне по их сугубо психо-социальным особенностям [16, с.227].

М. А. Стародубцева к таким относит преимущественно проводящих свое свободное время дома в социальных сетях и на иных Интернет-ресурсах [12, с.136].

А. В. Яшин предлагает относить к потенциальным жертвам преступления всех физических лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, т.к. их участие в указанных мероприятиях, как в настоящее время, так и в прошлом, могло быть основанием, которое может побудить подозреваемых совершить в отношении таких лиц противоправные деяния [18, с. 117].

Эти обстоятельства также необходимо учитывать при выработке предложений нормативного правового совершенствования регулирования правоотношений. Таких лиц частично можно признать косвенными жертвами, т.к. непосредственным образом они не пострадали, с уголовно-процессуальной точки зрения они не могут быть потерпевшими, однако их законные интересы затронуты [1, с.32] и должны быть учтены.

Кроме того, в доктрине высказываются позиции, согласно которым суд должен учитывать отдельные интересы потерпевших при вынесении наказания преступнику [11, с.8]. В этой связи, безусловно, никто не говорит об обязательной реализации мнения потерпевшего в указанной ситуации. На основании действующего нормативного правового регулирования, фактически возможно только

категорическое смягчение наказания путем примирения с потерпевшим и все. В то же время большинство наказаний, предусмотренных действующим Уголовным кодексом Российской Федерации, граждане считают несоизмеримыми тем деяниям, которые они совершили. Поэтому при вынесении приговора, с моей точки зрения, суд должен учитывать, в том числе и позицию потерпевшего, что также явится одной из гарантий защиты законных интересов граждан.

На основании всего вышеизложенного предлагается существенным образом пересмотреть положения Федерального закона от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и отдельные положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ для защиты со стороны государства не только жертв уже состоявшихся преступлений, но и тех, над кем постоянно нависает угроза. Граждане должны находиться в состоянии постоянной защищенности, обеспечиваемой государством. Безусловно, для этого необходимо вырабатывать норма-

тивные правовые критерии в отношении тех, кто еще не стал жертвой преступления, но потенциально может ей быть. Это обусловлено тем, что существуют разные категории людей, некоторые из которых, по их словам, постоянно нуждаются в государственной защите, но фактические основания для этого отсутствуют.

Таковыми критериями могут быть, например, совершение в отношении потерпевшего административного правонарушения, подтвержденные обращения в правоохранительные органы, по тем или иным причинам не позволявшие государству привлечь нарушителя к ответственности, участие лица в уголовном процессе в качестве свидетеля и т.д.

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, соблюдение, обеспечение и защита которых является прямой обязанностью государства. Принятие и реализация на практике высказанных в данной работе предложений позволит еще раз подтвердить, что данная конституционная норма не декларативна, существенным и позитивным образом воздействует на правовой статус граждан России.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Афанасьев Д.В. К вопросу о субъектах обращения в Европейский Суд по правам человека (непосредственная, косвенная и потенциальная жертвы) // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2008. – № 12. – С. 31-38.
2. Бурова Ю.В. Дети как потенциальные жертвы террористических акций // *Научные исследования в социально-экономическом развитии общества: Материалы Международной научно-практической конференции.* Редколлегия: Б.Ф. Кевбрин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Принт-Издат. – 2017. – С. 32-34.
3. Вишпер Р.Ю. Учебник истории. Часть III. Новое время. - Рига: Изд. акц. общ. Вальтере и Рапа, 1928. – 473 с.
4. Вишневецкий К.В. Место виктимологической теории в криминологии // *Теория и практика общественного развития.* 2011. № 5. С. 209-213.
5. Гессен В.М. Основы конституционного права. – Петроград: Право, 1918. – 438 с.
6. Джашуев М.К. Понятие потерпевшего и порядок признания потерпевшим в уголовном процессе // *Чтения молодых ученых. Материалы международной научно-практической конференции.* Сер. «Научный вестник». – Пятигорск: Северокавказское издательство МИЛ, 2015. – С. 89-101.
7. Иванов А.А. От талиона к индивидуализации юридической ответственности. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 223 с.
8. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 томах. Том 7. Российский конституционализм: монография. – М.: Проспект, 2016. – 544 с.
9. Мисник И.В. Потерпевший в российском уголовном судопроизводстве: автореферат дис. ... к.ю.н. - Иркутск, 2005. – 22 с.
10. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ (ред. от 7 февраля 2017 года) // *СЗ РФ.* 2004. – № 34. – С. 35-34.

11. Сирик М.С. Институт потерпевшего: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореферат дис. ... к.ю.н. – Ростов-на-Дону, 2006. – 26 с.
12. Стародубцева М.А. Криминологическая характеристика потенциальной жертвы «группы смерти» // Лучшая студенческая статья 2017: Сборник статей X Международного научно-практического конкурса. В 2-х частях. – 2017. – С. 134-137.
13. Тихомиров М.Н. Пособие по изучению Русской Правды М., 1953. – С. 75-86.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 19 февраля 2018 года) // СЗ РФ. 2001. 24 декабря. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 19 февраля 2018 года) // СЗ РФ. 1996. 17 июня. № 25. – Ст. 2954.
16. Шевченко Е.В. Буллинг в школе и порядок выявления потенциальных жертв и преследователей // Психологическая студия: Сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых исследователей кафедры прикладной психологии ВГУ имени П.М. Машерова. под ред. С.Л. Богомаза, В.А. Каратерзи. Витебск, 2016. – С. 227-228.
17. Юцкова Е.М. О некоторых криминологических последствиях террористической деятельности // Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними. – М.: Рос. криминол. ассоц., 2005. – С. 75-84.
18. Яшин А.В. Участники уголовного судопроизводства как потенциальные жертвы преступлений // Современное право. – 2017. – № 12. – С. 113-117.

REFERENCES:

1. Afanas'yev D.V. K voprosu o sub'yektakh obrashcheniya v Yevropeyskiy Sud po pravam cheloveka (neposredstvennaya, kosvennaya i potentsial'naya zhertvy) // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2008. – № 12. – S. 31-38.
2. Burova YU.V. Deti kak potentsial'nyye zhertvy terroristicheskikh aktsiy // Nauchnyye issledovaniya v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii obshchestva: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Redkollegiya: B.F. Kevbrin (otv. red.) [i dr.]. – Saransk: Print-Izdat. – 2017. – S. 32-34.
3. Vipper R.YU. Uchebnik istorii. Chast' III. Novoye vremya. - Riga: Izd. akts. obshch. Val'tere i Rapa, 1928. – 473 s.
4. Vishnevetskiy K.V. Mesto viktimologicheskoy teorii v kriminologii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2011. № 5. S. 209-213.
5. Gessen V.M. Osnovy konstitutsionnogo prava. – Petrograd: Pravo, 1918. – 438 s.
6. Dzhashuyev M.K. Ponyatiye poterpevshego i poryadok priznaniya poterpevshim v ugolovnom protsesse // Chteniya molodykh uchenykh. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ser. «Nauchnyy vestnik». – Pyatigorsk: Severokavkazskoye izdatel'stvo MIL, 2015. – S. 89-101.
7. Ivanov A.A. Ot taliona k individualizatsii yuridicheskoy otvetstvennosti. – М.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2015. – 223 s.
8. Kutafin O.Ye. Izbrannyye trudy: v 7 tomakh. Tom 7. Rossiyskiy konstitutsionalizm: monografiya. – М.: Prospekt, 2016. – 544 s.
9. Misnik I.V. Poterpevshiy v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve: avtoreferat dis. ... k.yu.n. - Irkutsk, 2005. – 22 s.
10. O gosudarstvennoy zashchite poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva: Federal'nyy zakon ot 20 avgusta 2004 goda № 119-FZ (red. ot 7 fevralya 2017 goda) // SZ RF. 2004. – № 34. – S. 35-34.
11. Sirik M.S. Institut poterpevshego: ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty : avtoreferat dis. ... k.yu.n. – Ростов-на-Дону, 2006. – 26 с.
12. Starodubtseva M.A. Kriminologicheskaya kharakteristika potentsial'noy zhertvy «gruppy smerti» // Luchshaya studencheskaya stat'ya 2017: Sbornik statey X Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa. V 2-kh chastyakh. – 2017. – S. 134-137.
13. Tikhomirov M.N. Posobiye po izucheniyu Russkoy Pravdy M., 1953. – S. 75-86.
14. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 goda № 174-FZ (red. ot 19 fevralya 2018 goda) // SZ RF. 2001. 24 dekabrya. – № 52 (ch. I). – St. 4921.
15. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13 iyunya 1996 goda № 63-FZ (red. ot 19 fevralya 2018 goda) // SZ RF. 1996. 17 iyunya. № 25. – St. 2954.
16. Shevchenko Ye.V. Bulling v shkole i poryadok vyyavleniya potentsial'nykh zhertv i presledovateley // Pсихологическая студия: Сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых исследователей кафедры прикладной психологии ВГУ имени П.М. Машерова. под ред. С.Л. Богомаза, В.А. Каратерзи. Витебск, 2016. – S. 227-228.

17. Yutskova Ye.M. O nekotorykh kriminologicheskikh posledstviyakh terroristicheskoy deyatelnosti // Organizovannaya prestupnost', terrorizm, korruptsiya v ikh proyavleniyakh i bor'ba s nimi. – M.: Ros. kriminol. assots., 2005. – S. 75-84.

18. Yashin A.V. Uchastniki ugovnogo sudoproizvodstva kak potentsial'nyye zhertvy prestupleniy // Sovremennoye pravo. – 2017. – № 12. – S. 113-117.

ВАСИЛЬЕВ Станислав Александрович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс», Севастопольский государственный университет.

E-mail: mnogoslav@mail.ru

Vasilev S. A.

VICTIMS AND POTENTIAL VICTIMS OF CRIME AS A SUBJECT OF RELATIONSHIPS

This article is devoted to the problems of the existence of potential victims of crimes and other offenses in modern Russia. From the point of view of the correlation of such subjects of law as a person and the state, an attempt was made in the work to justify the need for closer state attention to protecting the rights of the victim and those potentially potentially in the role of such.

Keywords: *victim; victim of crime; a potential victim; legal relationship; protection of rights; a man and his rights; theory of relations.*

VASILIEV Stanislav Aleksandrovich, Candidate of Law, Head of the Department «Criminal Law and Process», Sevastopol State University.

E-mail: mnogoslav@mail.ru

Дата поступления: 15.06.2018 г.

Мизенина И. С.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МЕДИА- ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена вопросам вторичной и третичной виктимизации жертв преступлений в медиа-пространстве. Раскрывается содержание негативных последствий взаимодействия жертв со средствами массовой информации, в особенности, несовершеннолетних. Анализируются возможные пути недопущения эмоционального травмирования несовершеннолетних жертв преступлений посредством СМИ.

Ключевые слова: виктимология, несовершеннолетние жертвы, виктимизация, влияние СМИ на виктимизацию.

Освещение в средствах массовой информации острых социальных вопросов является важнейшим способом привлечения внимания аудитории к существующим в обществе проблемам. Одной из самых популярных тем для обсуждения являются различные аспекты такого негативного социального явления, как преступность.

Публичные дискуссии в телевизионных программах по вопросам криминальной тематики, казалось бы, преследуют благие цели: разобраться в причинах произошедшего, обнажить несовершенства правового регулирования, тем самым предупредить факты совершения новых аналогичных преступлений. Однако, деятельность средств массовой информации, и в первую очередь, телевидения, многофункциональна. Очевиден тот факт, что в качестве одного из ее приоритетных направлений является эксплуатация социально-биологических потребностей аудитории: гедонистических, сексуальных, необходимости в разрядке и т. д. [6, с.60]. При этом коммерциализация средств массовой информации и конкурентная борьба за рейтинг предполагают использование определенных способов и

приемов в процессе повышения интереса к освещаемым материалам. Так, например, прием документализма и, даже, натурализма является одним из предпочтительных способов воздействия на аудиторию. В этой ситуации, своего рода «расходным материалом» в достижении СМИ своих целей, нередко становятся жертвы преступлений.

В виктимологии – научном направлении, предметом изучения которого являются жертвы противоправных деяний, выделяются понятия вторичной и третичной виктимизации. Это означает, что помимо негативных эмоциональных последствий самого факта совершения преступления, (первичной виктимизации), жертва может быть вновь подвергнута моральным и нравственным переживаниям по поводу случившегося.

Вторичная виктимизация охватывает случаи косвенного причинения вреда жертве, связанного с отношением к ней ближайшего окружения и социальной общности в целом. В этом случае, студия телешоу является своеобразной ареной для смакования подробностей совершенного преступления и дачи оценок произошедшего, а так же личности потерпевше-

го со стороны широкого круга посторонних лиц, выражающих, зачастую, отнюдь не чувство сострадания.

Предубежденность в отношении «виновности» и «греховности» самой жертвы, негативное отношение к ней как к лицу, чем-то запятнавшему себя и другие стереотипы общественного мнения обрекают жертв преступлений на новые страдания.

Особенно сильно подвержены вторичной виктимизации жертвы преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, а так же потерпевшие от внутрисемейного насилия. Например, общество может рассматривать жертву изнасилования (особенно если до этого она не имела сексуальных контактов) как «испорченную». В традиционных культурах вторичная виктимизация может принимать формы общественного отвержения, изоляции или даже институционального наказания жертвы, например, запрета на вступление в брак.

Для обозначения общественного порицания в сторону жертвы преступления, хорошо известного в человеческой истории и психологии, американским психологом Уильямом Райаном за рубежом в научный оборот впервые был введен специальный термин – виктимблейминг (victim blaming - обвинение жертвы) [3]. С точки зрения социальной психологии, обвинение жертвы основано на так называемой вере в справедливый мир. Вера в справедливый мир — это когнитивное искажение, при котором человек верит в то, что любое действие вызывает закономерные и предсказуемые последствия. Мысль о том, что несчастье может произойти с кем-либо совершенно случайно противоречит данной концепции. В связи с этим, несправедливое событие реинтерпретируется, связывается с особенностями поведения или свойствами жертвы, в результате чего происходит её обвинение и принижение.

При этом публичность и открытость обсуждений в СМИ фактов совершения преступлений, безусловно, усиливает негативное воздействие таких оценок на эмоциональное состояние жертвы, способствует ее отчуждению и десоциализации. В конечном счете, все это может привести к стигматизации – такому состоянию, когда человек полностью идентифицирует себя с ролью жертвы вслед-

ствие присвоения обществом указанного ярлыка.

Третичная виктимизация представляет собой использование образа жертвы представителями средств массовой информации в своих целях.

Эксплуатация «жареных» новостей с эмоциональным травмированием жертвы, назойливое проникновение в личную жизнь, использование правового статуса и позиций жертвы не во благо, а во вред ей – содержательный перечень такой виктимизации можно было бы продолжить и далее.

Проблема обозначенных результатов взаимодействия жертв преступлений со СМИ в последние годы очень актуальна для Российской Федерации. В 2015 году жертвой массового виктимблейминга, повлекшего за собой несколько попыток самоубийства, стала восемнадцатилетняя студентка МАДИ, в отношении которой были совершены насильственные действия сексуального характера. Поводом для общественного осуждения стали видеодоказательства провоцирующего поведения жертвы, ставшие широко известными в ходе публичной дискуссии в ток-шоу[9].

Особенно хотелось бы отметить ситуации привлечения к публичным обсуждениям несовершеннолетних жертв преступлений. В течение двух прошедших лет к участию в многочисленных телевизионных проектах была привлечена шестнадцатилетняя жертва изнасилования, демонстрировавшая виктимное поведение в предкриминальной ситуации. Последствия такого участия – массовый виктимблейминг, госпитализация в психиатрический стационар, смена места жительства, проблемы с трудоустройством у родителей жертвы[8].

О недопустимости эксплуатации образа ребенка в качестве жертвы преступления в СМИ было заявлено в ходе парламентских слушаний на тему «Актуальные вопросы обеспечения безопасности и развития детей в информационном пространстве», прошедших в апреле 2017 года. В качестве важной проблемы было указано привлечение средствами массовой информации подростков – жертв преступлений для участия в различных телепроектах с разглашением, вопреки законодательным запретам, их персональных данных[12].

На сегодняшний день на основании ст. 4 и пп.1-3 ст. 41 Закона РФ «О средствах массовой информации»[5] запрещается распространение в СМИ информации, позволяющей прямо или косвенно установить личность несовершеннолетнего, ставшего жертвой преступного посягательства. Исключением из этого правила являются случаи, когда распространение такой информации осуществляется в целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего, пострадавшего в результате противоправного деяния. В этих случаях необходимо получение согласия несовершеннолетнего, достигшего четырнадцатилетнего возраста и его законного представителя. Согласия одного лишь законного представителя является достаточным, если несовершеннолетний не достиг возраста 14 лет. Если же получить такое согласие невозможно, либо если законный представитель несовершеннолетнего является подозреваемым или обвиняемым в совершении данных противоправных действий, то распространение данных допустимо вовсе без согласования с указанными лицами.

Рассматривая ограничения, содержащиеся в Законе РФ «О средствах массовой информации» через призму концепции теории мер безопасности, разработанную профессором Н.В. Щедриным[7], можно заключить, что несовершеннолетний представляется объектом охраны, а общество – источником опасности, создающим угрозу его физическому и психологическому благополучию.

В процессе поиска совершенствования способов ограждения несовершеннолетних жертв преступлений от негативных последствий взаимодействия со СМИ, в декабре 2017 в Совете Федерации было высказано предложение о внесении изменений в Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации», согласно которым предполагается установить полный и безусловный запрет на привлечение детей-жертв преступлений против половой неприкосновенности к публичному обсуждению таких преступлений на телепередачах, в ток-шоу, в социальных сетях до вынесения приговора суда по уголовному делу[10].

С одной стороны, введение подобной меры смогло бы оградить несовершеннолетних жертв преступлений от третичной

виктимизации и сократить масштабы вторичной только лишь до возможного негативного воздействия со стороны ближайшего окружения. Вместе с тем, не понятны основания для введения временных рамок действия запрета. Представляется, что последствия эксплуатации образа ребенка в качестве жертвы преступления в СМИ после вынесения приговора ничем не отличаются от последствий таких злоупотреблений, имевших место до вынесения приговора суда. К тому же, кардинальное решение вопроса, связанное с введением законодательного запрета, не лишено спорных моментов.

Во-первых, свобода информационного обмена и право на получение и распространение информации является неотъемлемым правом человека в большинстве государств. Так, например, п. 1 ст. 1 и п. 1 ст. 2 Основного закона Федеративной Республики Германия предусмотрено, что каждый имеет право на свободное развитие своей личности в той мере, в какой он не нарушает прав других и не посягает на конституционный строй или нравственный закон; достоинство человека неприкосновенно; уважать и защищать его – обязанность всей системы государственной власти. Этими нормативными положениями, как подчеркнул Конституционный Суд ФРГ в «Решении о переписи населения» 1983 года, гарантируется право каждого на информационное самоопределение[1]. На основании ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом[4]. Таким образом, законодательное принуждение на изъятие несовершеннолетнего потерпевшего из информационного пространства без его согласия вступает в противоречие с национальной, так и зарубежной конституционной платформой построения демократического общества, где каждый вправе самостоятельно определять линию собственных действий, если это не нарушает прав других лиц.

Во-вторых, ряд немецких исследователей настаивает на том, что желанию жертвы публично высказаться недопустимо препятствовать, поскольку этот процесс является своего рода «освобождением» от пережитых негативных эмоций, что является важной составляющей реа-

билитационной терапии[2, с. 207]. Конечно, в этих целях существуют специализированные центры оказания психологической помощи, где терапевтические мероприятия могут проходить за закрытыми дверями, исключая возможность повторного травмирования жертвы. Тем не менее, в западной литературе прослеживается четкая позиция по поводу того, что жертвы преступлений должны быть надлежаще представлены в медиа-пространстве.

Еще одним аргументом против введения законодательного запрета на участие несовершеннолетних жертв преступлений в публичных обсуждениях, является, лишение их, таким образом, права на получение вознаграждения за интервью или участие в ток-шоу. В ситуации, когда жертва преступлений не получает должной государственной поддержки, данная возможность представляется аб-

солютно не лишней. Так, известная на весь мир австрийская девочка Наташа Кампуш, проведшая в плену у своего похитителя 8 лет и сумевшая спастись бегством, благодаря гонорарам за эксклюзивные интервью сумела не только устроить свою жизнь, но и имела возможность материально поддержать других жертв преступлений, связанных с насилием, занимаясь благотворительностью[11].

Таким образом, вопрос ограждения несовершеннолетних жертв преступлений от негативных последствий взаимодействия со СМИ представляется важным для разрешения. Запретительные меры не являются единственно верным решением проблемы, поскольку содержат в себе ряд обстоятельств, способных негативно отразиться на желаниях и потребностях жертв преступлений, исключают активное участие в этом процессе разнопрофильных специалистов и общественности.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Grundgesetze fuer die Bundesrepublik Deutschland [электронный ресурс] <http://www.gesetze-im-internet.de/gg/> (дата обращения: 20.02.2018 г.)
2. Kinder und Jugendliche als Opfer von Sexual- und Gewaltdelikten – wer nimmt ihre Interesse Wahr? (Hrsg. Weisser Ring e.V.) Dokumentation des 18. Meinzer Opferforums Prof. Dr. Reinhard Böteher «Junge Opfer in der Medienöffentlichkeit- fortgeführt?», 2007.- 230 с.
3. Ryan W. Blaming the Victim. Vintage Books Edition, 1976.- 368 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 года, № 237
5. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» № 2124-I // Российская газета. – 1992. 2 февраля 1992 года, №32
6. Ключкова А.В. Специфика подхода СМИ к материалам криминальной проблематики // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. №2 . С.58-69
7. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: монография. - Красноярск: Красноярский государственный университет, 1999.- 180 с.
8. Диана Шурыгина проходит лечение в одной из столичных клиник [электронный ресурс] <https://www.krsk.kp.ru/daily/26664/3686428/> (дата обращения: 20.02.2018 г.)
9. Изнасилованная студентами МАДИ девушка после травли в Интернете бросилась на рельсы в метро [электронный ресурс] <https://www.krsk.kp.ru/daily/26553.5/3572811/>
10. Мизулина: СМИ еще больше травмируют детей-жертв сексуальных преступлений [электронный ресурс] <https://rossaprimavera.ru/news/356d6886> (дата обращения: 20.02.2018 г.)
11. Наташа Кампуш подарила жертвам австрийского маньяка 25 тысяч евро [электронный ресурс] <https://lenta.ru/news/2008/05/01/donate/> (дата обращения: 20.02.2018 г.)
12. Парламентские слушания от 17 апреля 2017 «Актуальные вопросы обеспечения безопасности и развития детей в информационном пространстве [электронный ресурс] <http://www.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/79549/> (дата обращения: 20.02.2018 г.)

REFERENCES:

1. Grundgesetze fuer die Bundesrepublik Deutschland [elektronnyy resurs] <http://www.gesetze-im-internet.de/gg/> (data obrashcheniya: 20.02.2018 g.)
2. Kinder und Jugendliche als Opfer von Sexual- und Gewaltdelikten – wer nimmt ihre Interesse Wahr? (Hrsg. Weisser Ring e.V.) Dokumentation des 18. Meinzer Opferforums Prof. Dr. Reinhard Böteher «Junge Opfer in der Medienöffentlichkeit- fortgeführt?», 2007.- 230 s.

3. Ryan W. Blaming the Victim. Vintage Books Edition, 1976.- 368 s.
4. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrya 1993 g.) // Rossiyskaya gazeta ot 25 dekabrya 1993 goda, № 237
5. Zakon Rossiyskoy Federatsii «O credstvakh massovoy informatsii» № 2124-I // Rossiyskaya gazeta. – 1992. 2 fevralya 1992 goda, №32
6. Klochkova A.V. Spetsifika podkhoda SMI k materialam kriminal'noy problematiki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2012. №2 . S.58-69
7. Shchedrin N.V. Vvedeniye v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti: monografiya. - Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy universitet,1999.- 180 s.
8. Diana Shurygina prokhorit lecheniye v odnoy iz stolichnykh klinik [elektronnyy resurs] <https://www.krsk.kp.ru/daily/26664/3686428/> (data obrashcheniya: 20.02.2018 g.)
9. Iznasilovannaya studentami MADI devushka posle travli v Internete brosilas' na rel'sy v metro [elektronnyy resurs] <https://www.krsk.kp.ru/daily/26553.5/3572811/>
10. Mizulina: SMI yeshche bol'she travmiruyut detey-zhertv seksual'nykh prestupleniy [elektronnyyresurs] <https://rossaprimavera.ru/news/356d6886> (data obrashcheniya: 20.02.2018 g.)
11. Natasha Kampush podarila zhertvam avstriyskogo man'yaka 25 tysyach yevro [elektronnyy resurs] <https://lenta.ru/news/2008/05/01/donate/> (data obrashcheniya: 20.02.2018 g.)
12. Parlamentskiye slushaniya ot 17 aprelya 2017 «Aktual'nyye voprosy obespecheniya bezopasnosti i razvitiya detey v informatsionnom prostranstve [elektronnyy resurs] <http://www.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/79549/> (data obrashcheniya: 20.02.2018 g.)

МИЗЕНИНА Инна Сергеевна, старший преподаватель кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, г. Красноярск
E-mail: advokat_budkina@mail.ru

Misenina I. S.

PROBLEM ASPECTS OF PARTICIPATION OF MINOR- SUMMER VICTIMS OF CRIMES IN MEDIA-SPACE

The article is devoted to the issues of secondary and tertiary victimization of victims of crimes in the media space. The content of the negative consequences of the victims' interaction with the media, especially minors, is disclosed. Possible ways of preventing emotional traumatization of minor victims of victims' crimes through the media are analyzed.

Keywords: *victimology, underage victims, victimization, media influence on victimization.*

MIZENINA Inna Sergeevna, senior lecturer of the Department of Delictology and Criminology of the Law Institute of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk.
E-mail: advokat_budkina@mail.ru

Дата поступления: 15.06.2018 г.

Баранчикова М. В.

ВЛИЯНИЕ СИТУАЦИИ НА ВИКТИМИЗАЦИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЖЕРТВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ НЕОСТОРОЖНОСТИ

В статье обозначены виды, раскрыты характеристика и виктимологические особенности разных возрастных групп несовершеннолетних жертв дорожно-транспортных преступлений, показана роль ситуации в механизме их совершения, а также ее влияние на виктимизацию несовершеннолетних участников дорожного движения.

Ключевые слова: виктимизация, ситуация, несовершеннолетние жертвы, неосторожность, дорожно-транспортные преступления, виктимность, участники дорожного движения.

В последние годы в России наблюдается повышенное внимание государства к проблеме обеспечения безопасности дорожного движения. Несмотря на то, что дорожно-транспортные преступления составляют незначительную часть в структуре российской преступности, являясь неосторожными составами, соответственно менее опасными по степени тяжести, чем умышленные посягательства, физический ущерб от них весьма значителен. Дорожно-транспортный травматизм масштабен, сопряжен с причинением тяжкого вреда здоровью, лишением жизни наиболее трудоспособного слоя населения России, лицам молодого возраста и детям.

В 2017 году было отмечено увеличение дорожных происшествий с участием детей на 1,6 %, в которых погибло 713 человек (0,4 %) и ранено 21136 (+2,5 %). Ежедневно на российских дорогах погибают двое и получают ранения 58 несовершеннолетних.

На федеральном, региональном, муниципальном и межотраслевых уровнях разрабатываются и реализуются программы, направленные на повышение безопасности дорожного движения, совершенствуется позитивное, административное и уголовное законодательство, принимаются комплексные меры организационного, технического и иного характера по снижению объема и последствий дорожно-транспортной преступности, улучшению ее качественных показателей.

Самостоятельным направлением в сфере повышения безопасности дорожного движения выступает снижение числа дорожно-транспортных происшествий с участием несовершеннолетних, минимизация последствий детского дорожно-транспортного травматизма.

Официальная статистика ГИБДД выделяет в самостоятельный раздел дорожно-транспортные происшествия с участием детей, где дается оценка их со-

стояния, динамики, видов, указаны число раненых, погибших детей в возрасте до шестнадцати лет, а также распределение их в качестве пострадавших по разным категориям участников дорожного движения.

Одним из основных направлений Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы указано повышение защищенности от дорожно-транспортных происшествий и их последствий наиболее уязвимых участников дорожного движения, прежде всего детей и пешеходов. В числе задач по реализации данного направления обозначено осуществление комплекса мер по обеспечению безопасности детей в ходе их участия в дорожном движении[1].

Задачей Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» являлось сокращение случаев смерти в результате дорожно-транспортных происшествий, в том числе детей, к 2020 году на 28, 82 % по сравнению с 2012 годом. Тем самым одним из индикаторов оценки состояния защищенности сферы дорожного движения выступает снижение уровня детской смертности от дорожно-транспортных происшествий.

На вероятность становления несовершеннолетних участников дорожного движения жертвами дорожно-транспортных преступлений влияют разнообразные факторы, включающие как уровень виктимности самих детей, так и комплекс сопутствующих субъективных и объективных обстоятельств.

В науке существуют различные подходы к содержанию виктимизации, ее специфике в сфере дорожного движения. Ее определяют либо как процесс превращения лица в жертву, либо как результат этой деятельности.

Рассматривая виктимизацию в деятельностном смысле можно говорить о ней как о процессе, приводящем к причинению вреда здоровью и жизни детей в ходе их участия в дорожном движении. Она может проявляться в реализации возрастной, в частности детской виктимности от дорожно-транспортных преступлений, воздействии негативных дорожных факторов, связанных с нарушениями правил участниками дорожного движения, влиянии состояния дорожной инфраструкту-

ры, транспортных средств, погодных условий на механизм возникновения и развития аварийной ситуации, наступления тяжелых последствий и т.д.

Виктимизация жертв дорожно-транспортной неосторожности специфична, связана с небрежным либо легкомысленным отношением виновного к последствиям нарушений им правил дорожного движения, возможным пострадавшим от них. Часто определяющая роль принадлежит ситуации, складывающейся в результате одного или взаимодействия группы факторов системы «человек – транспортное средство – дорога – среда».

Под ситуацией принято понимать «уровень взаимодействия личности с окружающей средой, на котором обусловленная неблагоприятными условиями нравственного формирования способность лица совершать противоправные действия под воздействием внешних факторов реализуется в действительности» [2, с.94].

Содержание виктимогенной ситуации включает формирование личности с повышенными виктимными потенциями, развитие конкретной жизненной ситуации, складывающейся на момент, предшествующий преступлению, протекание преступного деяния, развитие конкретной жизненной ситуации, последующей за совершением преступления [3, с.113].

Влияние ситуации на вероятность и последствия дорожно-транспортного происшествия зависит от места, обстановки совершения нарушений правил дорожного движения, их грубости и масштабности. В России дорожно-транспортные преступления с участием несовершеннолетних пешеходов часто происходят рядом с детскими площадками, во дворах, вблизи детских садов и школ. Места с повышенным числом фактов пребыванием детей оказываются, способствующими виктимизации последних в ситуации их близости с проезжей частью.

Несмотря на определенные меры, принимаемые по совершенствованию дорожных условий вблизи образовательных, досуговых организаций и детских учреждений, в частности по установке регулируемых пешеходных переходов, светофоров, предупреждающих знаков, «лежачих полицейских», детский дорожно-транспортный травматизм продолжает оставаться на высоком уровне.

На виктимизацию несовершеннолетних оказывают влияние неудовлетворительные дорожные, погодные условия, неправомерное поведение как самих несовершеннолетних, так и других участников дорожного движения.

Жертвами дорожно-транспортных преступлений оказываются разные виды несовершеннолетних участников дорожного движения. Это могут быть пешеходы, пассажиры, велосипедисты, скутеристы, мотоциклисты, водители транспортных средств. Они могут становиться жертвами собственной неосторожности или быть пострадавшими от нарушений правил дорожного движения, допускаемых другими лицами. Наиболее виктимной категорией несовершеннолетних являются пешеходы и пассажиры. При этом различия в возрасте определяют вид поведения и адекватность реагирования на изменения дорожной обстановки.

Разные возрастные группы несовершеннолетних участников дорожного движения характеризуются своими особенностями детского восприятия. Считается, что в возрасте до 4 лет ребенок еще не осознает, что машина не может остановиться мгновенно. До 6 лет он недостаточно хорошо ориентируется по звуку, до 8 лет он не видит, что происходит сбоку от него. Дети могут быть непредсказуемы и выбежать на дорогу за игрушкой, в ходе игры. Девять из десяти детей замрут на месте или закроют лицо руками, когда увидят несущийся на них автомобиль вместо того, чтобы убежать.

Согласно данным официальной статистики наиболее распространенным возрастом несовершеннолетних потерпевших в ДТП является период с восьми до двенадцати лет. Это объясняется тем, что в этом возрасте дети приобретают определенную самостоятельность, включаются в учебную деятельность, посещают кружки, спортивные секции, что требует высокой мобильности, необходимости передвигаться в условиях города. Школьники становятся самостоятельными участниками дорожного движения, который еще не имеет необходимого жизненного опыта, знаний правил поведения на дороге, умений применять их в дорожной обстановке [4, с.20]. Детям присущи невысокий уровень правосознания, рассеянность, невнимательность, неумение адекватного и своевременного прогнози-

рования и реагирования на возникающие опасности, что способствует их превращению в потенциальных жертв аварийных ситуаций.

Особенностью несовершеннолетних потерпевших является то, что они обладают не только повышенной дорожно-транспортной виктимностью, но и соответствующей криминогенностью, особенностями психофизиологического развития, отсутствием специальной подготовки, опытом управления транспортными средствами, умения безопасной пространственной ориентации на дороге, которые свойственны более старшим представителям молодежи [5, с.101]. Часто дети сами становятся жертвами ими же созданной аварийной ситуации. Для них характерно недостаточное обеспечение своей безопасности ввиду несоблюдения общих правил предосторожности на остановках общественного транспорта, в салонах транспортных средств, процессе движения по дороге.

Для детей-пешеходов характерны переход проезжей части в неустановленном месте, неожиданное появление на проезжей части из-за транспортных средств, деревьев, сооружений, ограничивающих обзор водителю [6, с.89]. Для несовершеннолетних пассажиров типичны ситуации нарушений правил перевозки в салоне транспортных средств, они могут быть не пристегнуты ремнями безопасности; открывать в ходе движения автомобиля его дверь; выходить из него, не убедившись в безопасности. Виктимизации несовершеннолетних велосипедистов, скутеристов и мотоциклистов способствуют нарушения ими правил движения по проезжей части, обгона, маневрирования, поворотов, проезда перекрестков и т.д.

Виктимизация детей часто носит стихийный, противоречивый характер, когда лишь случай решает, кто из участников ДТП станет жертвой, а кто преступником. В механизме совершения дорожно-транспортного преступления роли преступника и потерпевшего настолько взаимосвязаны и переплетаются, что само различие между ними весьма относительно, поскольку лишь случай решает, кто станет потерпевшим, а кто преступником. К тому же эти роли могут взаимозаменяться и совмещаться в одном лице [7, с.14].

Объективную сторону виктимизации

составляют такие элементы ситуации как внешний вид потерпевшего, поведение, место, время, способ причинения ему вреда и т.п.

Виктимологическая ситуация включает совокупность обстоятельств, при которых формируется личность с повышенными виктимными потенциями. Имеет значение конкретная предаварийная ситуация, содержание нарушений правил дорожного движения, повлекших тяжкие последствия, обстоятельства, сложившиеся после ДТП (например, своевременность оказания медицинской помощи пострадавшим).

Виктимизация детей во многом зависит от взрослых лиц, окружения подростка которые собственным примером вовлекают их в нарушения правил дорожного движения, воздействуют на формирование мотивации предкриминального поведения, не обеспечивают безопасность при перевозке. Несовершеннолетние пассажиры, не пристегнутые ремнями безопасности, оказываются менее защищенными в условиях потенциальной аварийной ситуации. Отсутствие светоотражающих элементов на детской одежде осложняют видимость их для других участников дорожного движения в темное время суток, при плохих погодных условиях при движении детей по дороге.

Очевидно, что не всегда складывающаяся аварийная ситуация может в полной мере предупреждаться, контролироваться участниками дорожного движения. Неисправность транспортного средства или погрешности дороги, затрудненный обзор могут не учитываться или неадекватно оцениваться виновными и пострадавшими как возможная проблема в процессе дорожного движения. Они могут характеризовать ситуацию как обуславливающую ДТП.

Влияние ситуации на виктимизацию несовершеннолетних участников дорожного движения часто неочевидно, обусловлено неосторожным характером дорожно-транспортных преступлений. С одной стороны, преимущественное значение в автодорожном преступлении принадлежит личности преступника, так как если отдавать приоритет влиянию ситуации, будет признано, что она полностью руководит и подчиняет себе действия водителя. [8, с.60]. С другой стороны ситуационный характер носят все

преступления, совершаемые по неосторожности [9, с.36]. В неосторожных преступлениях личность хотя и превалирует над ситуацией в 26 %, но и «подавляется» ею в 25 % [3, с.113].

Говорить о значимой роли ситуации в механизме виктимизации, высокой степени вероятности наступления тяжких последствий можно лишь при грубых неадекватных, интенсивных нарушениях правил дорожного движения виновными, осознающими факт пребывания детей в дорожных условиях, а также ситуациях явных дефектов дорожного полотна, сложных погодных условиях либо агрессивно провоцирующем поведении самих детей. Последние могут неожиданно выбегать или выезжать на проезжую часть, передвигаться с внешней стороны транспортного средства, действовать активно и осознанно с нарушением правил.

В современных условиях на законодательном уровне не уделяется должное внимание необходимости изучения и воздействия на потенциальных жертв преступлений. В Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» № 182 от 23 июня 2016 года [10]. законодатель не учел третий вид профилактики – профилактики виктимологической, хотя она упоминается в статье 6 данного закона [11, с.58]. В условиях снижения уровня защищенности несовершеннолетних жертв, повышения их виктимизации в сфере дорожного движения реализация виктимологической профилактики могла быть стать эффективной мерой в предупреждении детского дорожно-транспортного травматизма.

В механизме совершения дорожно-транспортных преступлений приоритетный вклад может принадлежать любому из объективных или субъективных компонентов как фактору, обуславливающему наступление тяжких последствий. На виктимизацию несовершеннолетних участников дорожного движения в значительной мере влияет ситуация, так как будучи неосторожными преступлениями, дорожно-транспортные нарушения во многом формируются под ее началом. Однако роль ситуации может быть как главенствующей, так и второстепенной, зависеть от предкриминальных, криминальных, виктимогенных обстоятельств. Несмотря на определяющее значение

безопасных условий движения по российским дорогам детская дорожно-транспортная виктимизация во многом зависит от виктимности самих несовершенно-

летних участников дорожного движения, соблюдения ими и находящимися с ними лицами правил дорожного движения, обеспечения собственной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы // Российская газета. 25 января 2018 года. № 7478 (15).
2. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб, 2002.
3. Задорожный В.И. Виктимологическая профилактика преступлений: организационно-управленческий и правовой аспекты: монография. – М., 2005.
4. Барагичикова М.В., Кузнецова И.И. Виктимологическая профилактика нарушений правил дорожного движения: монография. – Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017.
5. Добренков А.И. Дорожно-транспортные происшествия, совершаемые несовершеннолетними: современное состояние, закономерности и тенденции // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 2. – С. 101.
6. Городокин В.А., Майоров А.В. Правовые, технические и виктимологические проблемы обеспечения безопасности на нерегулируемых переходных переходах: монография. – Челябинск: Цицеро, 2012.
7. Чичерина М.П. Виктимологический анализ и профилактика дорожно-транспортных происшествий, совершаемых водителями частных легковых автомобилей: Автореф. дис. ... канд юрид наук. – М., 2001.
8. Байбарин А.А., Ефимова Е.О Роль личности и ситуации при совершении дорожно-транспортных преступлений. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2013. – № 4. – С. 54-61.
9. Варьгин А.Н. «Ситуационная» преступность и воздействие на нее // Право. Законодательство. Личность. – 2015. – № 1 (20). – С. 72-78.
10. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ // СЗ РФ, 2016. № 26 (21). – Ст. 3851.
11. Варьгин А.Н. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: плюсы и минусы // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (26). – С. 56-59.

REFERENCES:

1. Strategiya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiyskoy Federatsii na 2018-2024 gody // Rossiyskaya gazeta. 25 yanvarya 2018 goda. № 7478 (15).
2. Rivman D.V. Kriminal'naya viktimologiya. – SPb, 2002.
3. Zadorozhnyy V.I. Viktimologicheskaya profilaktika prestupleniy: organizatsionno-upravlencheskiy i pravovoy aspekt: monografiya. – M., 2005.
4. Baranchikova M.V., Kuznetsova I.I. Viktimologicheskaya profilaktika narusheniy pravil dorozhnogo dvizheniya: monografiya. – Orel: Orlovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2017.
5. Dobrenkov A.I. Dorozhno-transportnyye proisshestiya, sovershayemye nesovershennoletnimi: sovremennoye sostoyaniye, zakonomernosti i tendentsii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 2. – S. 101.
6. Gorodokin V.A., Mayorov A.V. Pravovyye, tekhnicheskiye i viktimologicheskkiye problemy obespecheniya bezopasnosti na nereguliruyemykh perekhodnykh perekhodakh: monografiya. – Chelyabinsk: Tsitsero, 2012.
7. Chicherina M.P. Viktimologicheskiy analiz i profilaktika dorozhno-transportnykh proisshestiyy, sovershayemykh voditelyami chastnykh legkovykh avtomobiley: Avtoref. dis. ... kand yurid nauk. – M., 2001.
8. Baybarin A.A., Yefimova Ye.O Rol' lichnosti i situatsii pri sovershenii dorozhno-transportnykh prestupleniy. // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. – 2013. – № 4. – S. 54-61.
9. Varygin A.N. «Situatsionnaya» prestupnost' i vozdeystviye na neye // Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'. – 2015. – № 1 (20). – S. 72-78.
10. Federal'nyy zakon «Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii» ot 23 iyunya 2016 goda № 182-FZ // SZ RF, 2016. № 26 (21). – St. 3851.

11. Varygin A.N. Federal'nyy zakon «Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii»: plyusy i minusy // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 4 (26). – S. 56-59.

БАРАНЧИКОВА Марина Вячеславовна, заместитель начальника кафедры уголовного права, криминологии и психологии, кандидат юридических наук. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. Город Орел.
E-mail: marina-baranchikova@yandex.ru

Baranchikova M. V.

THE IMPACT OF THE SITUATION ON VICTIMIZATION MINOR VICTIMS OF ROAD TRAFFIC NEGLIGENCE

The article describes the types, characteristics and victimological features of different age groups of juvenile victims of road traffic offences, shows the role of the situation in the mechanism of their Commission, as well as its impact on the victimization of minors.

Keywords: *victimization, the situation of the minor, negligence, traffic crime, victimization, participants in road traffic.*

BARANCHIKOVA Marina V., deputy head of the department of criminal law, criminology and psychology, candidate of law. Oryol legal institute of the Ministry of internal affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.
E-mail: marina-baranchikova@yandex.ru

Дата поступления: 05.06.2018 г.

Кудряшов А. В.

ЖЕРТВА В ДОРОЖНО – ТРАНСПОРТНОМ ПРОИШЕСТВИИ: НЕКОТОРЫЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье проводится криминологический анализ потерпевших в дорожно-транспортных происшествиях. Рассматриваются некоторые виктимологические аспекты и меры профилактики дорожно-транспортных происшествий.

Ключевые слова: виктимология, жертва, дорожно-транспортное происшествие.

Всего с января по декабрь 2017 года произошло 169 тыс. дорожно-транспортных происшествий (далее ДТП). Это на 2.5% меньше, чем за аналогичный период 2016 года, что говорит о продолжении снижения количества аварийности на дорогах страны. К сожалению, количество погибших на дорогах остается на очень высоком уровне. По данным ГИБДД, только за 2017 год в России погибло 19088 человек, было ранено более 215374 человек [1].

Нередко жертвы в ДТП которым причинен вред здоровью различной тяжести, а также смерть сами создали условия способствующие совершению ДТП и причинению себе вреда.

Часто причиной дорожно-транспортных происшествий является слабое знание правил дорожного движения [2] среди пешеходов. Очень часто подобные нарушения совершают дети, которым взрослые просто не объяснили, как правильно переходить дорогу, и насколько серьезными могут быть последствия. При этом дети зачастую еще не могут адекватно оценить ситуацию и пытаются перебежать дорогу прямо перед движущимся автомобилем.

Сегодня многие школы проводят специальные занятия с подростками – на

которых осуществляется разъяснение правил поведения на дорогах, а также множество других моментов касающихся правил дорожного движения.

Частыми причинами возникновения ДТП являются следующие:

- переход дороги в неустановленном месте;
- переход дороги на запрещающий сигнал светофора;
- движение по обочине с правой стороны;
- несоблюдение требований безопасности при переходе или движению по обочине в темное время суток. Пешеходы зачастую просто не понимают, что водителю намного сложнее ориентироваться в темное время суток, и времени, чтобы среагировать, у него может быть совсем мало;
- переход дороги без учета погодных условий (например, во время гололеда пешеходы могут не учитывать, что длина тормозного пути автомобиля значительно увеличивается, а водитель может потерять управление при резком торможении).
- алкогольное опьянение самого пешехода;
- отсутствие фактора соблюдения правил дорожного движения;

- переход на красный сигнал светофора или же нечто другое;
- неиспользование водителем и пассажирами приспособлений, уменьшающих риск аварийной обстановки или ее тяжелых последствий;
- нарушения нормативов рабочего времени водителей.

Относительно часто ДТП случается просто по причине падения пешехода с тротуара под колеса, движущегося на большой скорости автомобиля – водитель попросту не успевает реагировать на происшедшее.

Ещё одна частая причина возникновения ДТП – пешеход пересекает дорожное полотно в месте, где движение автотранспорта осуществляется со скоростью 60-90 км/ч.

Соответственно, опять же водитель не всегда успевает нажать на тормоз даже если относительно далеко заметил факт наличия пешехода.

Теоретически каждый гражданин может стать жертвой дорожно-транспортного преступления. Особое внимание следует обратить на те категории лиц, которые обладают повышенной виктимностью, то есть склонностью стать жертвой преступления, особенно виновной. К таким лицам относятся лица управляющие транспортным средством – мужчины, которые, переоценивая свои знания, личный опыт и профессиональное мастерство, умение ориентироваться в сложной обстановке, нередко безответственно относятся к соблюдению Правил дорожного движения. Среди жертв есть и женщины – лица управляющие транспортным средством. Женщины становятся чаще жертвами ДТП в результате растерянности, неумения ориентироваться даже в простых ситуациях.

Установлено, что действия лица управляющего транспортным средством – правонарушителя часто зависят не только от его личных особенностей и стремлений, но и от поведения потерпевшего, который своими неосторожными противоправными поступками может создать криминогенную обстановку.

Рассматривая основные типы виктимного поведения жертв ДТП, совершаемых лицами управляющими транспортными средствами, можно выделить две формы виктимного поведения: случайное виктимное поведение и злостное вик-

тимное поведение. Случайное виктимное поведение связано с неосторожностью, неопытностью, это форма поведения, связанная с неустойчивым (ситуативным) поведением. Злостное виктимное поведение тесно связано с повышенной виктимизацией, в которой нередко просматриваются агрессия и провокация. Среди жертв (потерпевших) ДТП больше половины лица с агрессивным виктимным поведением, сознательно пренебрегающих Правилами дорожного движения. В результате такого поведения создаются виктимогенно-опасные ситуации. Для жертв ДТП, ставших таковыми в результате некритичного виктимного поведения, характерно неумение объективно оценить дорожные ситуации, что нередко приводит к причинению тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего.

Причинами ДТП с водителями, пешеходами, пассажирами выступают социально-психологические причины и условия, включающие причины социально-экономической направленности, обусловленные кризисными явлениями в экономике, трудностями и противоречиями в социальной и духовных сферах общественной жизни; недостатками организационно-управленческого характера, связанными с просчётами и упущениями в организации управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения; недостаточно высоким профессиональным уровнем сотрудников органов внутренних дел в области дорожного движения; низким уровнем правосознания и морально-правовых качеств других участников дорожного движения – пешеходов и пассажиров.

Профилактика виктимизации (виктимологическая профилактика) – это предупреждение становления жертвой преступления путём принятия мер по недопущению, устранению и нейтрализации причин виктимизации, путём повышения охранно-защитных возможностей потенциальных жертв преступления. В целом профилактической работой, в частности, её виктимологической составляющей, занимаются практически все службы и подразделения органов внутренних дел, но недостаточно эффективно.

Предупреждение дорожно-транспортной преступности в первую очередь воз-

ложено на Государственную инспекцию безопасности дорожного движения.

Среди средств предупреждения дорожно-транспортных преступлений следует применять:

– общесоциальное предупреждение (меры, направленные на обеспечение безопасности дорожного движения по основным сферам дорожного движения);

– специальную криминологическую профилактику (меры, направленные на ослабление, блокирование, нейтрализацию причин и условий дорожно-транспортных преступлений);

– виктимологическую профилактику (меры, направленные на формирование ответственного поведения водителей и других участников дорожного движения, снижению риска стать жертвой преступления и ослаблению виктимологической ситуации);

– административно-правовое предупреждение (предупреждение дорожно-транспортных преступлений средствами административного законодательства), суть которого в обеспечении применения эффективного административного наказания и его исполнения.

– уголовно-правовое предупреждение (предупреждение дорожно-транспортных преступлений средствами уголовного законодательства), суть которого в обеспечении применения эффективного уголовного наказания и его исполнения.

Общесоциальные меры профилактики связаны с реализацией планов социального и экономического развития в области автомобилестроения, дорожного строительства, с работой среди участников транспортного движения, разъясняющей общественное значение норм безопасности и формирующей навыки дисциплинированного поведения, исходящего из осознания интересов общества [3].

Последовательно совершенствуется конструкция автомобилей, предусматриваются лучшие условия работы водите-

лей, разрабатываются технические средства, ограничивающие возможность тяжелых последствий при аварии (ремни безопасности, безопасные стекла, вдавливающееся рулевое управление).

Важнейшее направление общесоциальной профилактики обеспечение надлежащей подготовки и повышения квалификации водителей.

Специальные меры профилактики автотранспортных преступлений включают контроль за соблюдением правил безопасности движения; выявление и устранение конкретных обстоятельств, могущих способствовать возникновению аварийной обстановки (состояние дороги транспортных средств, водителей); выявление и устранение причин и условий конкретных преступлений; предупреждение рецидива; правовоспитательная работа с водителями, техническим обслуживающим персоналом, населением (в том числе с особо виктимным контингентом – несовершеннолетними).

Как показывает практика, для виктимологической профилактики ДТП, совершаемых лицами управляющими транспортными средствами, особую значимость приобретает общая виктимологическая профилактика, которая вносит элементы общественной безопасности в область дорожного движения. Успешному решению управленческого процесса предупредительного воздействия на дорожно-транспортную преступность, способствуют средства массовой информации. Эффективность общей виктимологической профилактики во многом зависит от интереса граждан к информации, её убедительности и правдивости, умения объяснить, как надо вести себя, чтобы не стать жертвой дорожно-транспортного происшествия. В этом главная цель общей профилактики, которая должна удерживать людей от виктимных действий и поступков.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 года. Информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2018. – 17 с.

2. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 13.02.2018) «О Правилах дорожного движения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.03.2018). // Консультант Плюс: справочная правовая система.

3. Майоров А.В., Царакова А.П. Виктимологические аспекты дорожно-транспортных происшествий: монография / А.В.Майоров, А.П. Царакова. – Челябинский юридический институт МВД России. Челябинск, 2009.

REFERENCES:

1. Dorozhno-transportnaya aviariynost' v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabr' 2017 goda. Informatsionno-analiticheskiy obzor. – M.: FKU NITS BDD MVD Rossii, 2018. – 17 s.

2. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 23.10.1993 № 1090 (red. ot 13.02.2018) «O Pravilakh dorozhnogo dvizheniya» (s izm. i dop., vstup. v silu s 18.03.2018). // Konsul'tant Plyus: spravochnaya pravovaya sistema.

3. Mayorov A.V., Tsarakova A.P. Viktimologicheskiye aspekty dorozhno-transportnykh proisshestiyy: monografiya / A.V.Mayorov, A.P. Tsarakova. – Chelyabinskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii. Chelyabinsk, 2009.

КУДРЯШОВ Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, научный сотрудник кафедры уголовно-правовых дисциплин филиала ЧОУ ВО «Балтийский институт экологии, политики и права» в г. Челябинске.
E-mail: andrej.kudryashov.1975@mail.ru

Kudryashov A. V.

VICTIM IN ROAD TRANSPORT PROISHESTVII: SOME ASPECTS OF VICTIM

In the article the Criminological analysis of the injured in road traffic accidents. Discusses some aspects of the victim and prevention measures of road-traffic accidents.

Keywords: *Victimology, victim, road accident.*

KUDRYASHOV Andrey V, researcher in the Department of criminal-law disciplines branch CHOW in “Baltic Institute of ecology, politics and law in the city of Chelyabinsk, Cand. legal. Sciences. 454080, Chelyabinsk, Russia UL. Soni Krivoy, d. and 75.

E-mail: andrej.kudryashov.1975@mail.ru

Дата поступления: 21.03.2018.

Сазонов М. М.

ВИДЫ МОШЕННИЧЕСТВ С БАНКОВСКИМИ КАРТАМИ И СОВЕРШЕНИЕ МЕР ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В настоящее время безналичный расчет с использованием банковских карт набирает все большую популярность. Преступления, совершаемые в сфере банковской деятельности, получают все большее распространение и составляют существенную опасность как для общества, так и государства в целом. Основной причиной можно назвать недостаточную осведомленность граждан о способах мошенничеств с банковскими картами. Задача банковского сектора и государства – обеспечить безопасность проводимых финансовых транзакций и минимизировать возможность осуществления мошенничеств.

Ключевые слова: мошенничество, банковские карты, банкоматы, фишинг, вишинг, скимминг.

Экономические преступления сегодня представляют серьезную угрозу экономической безопасности государства, так как существенно препятствуют развитию производственной сферы, сдерживают приток инвестиций, лишая бюджет значительной части доходов, увеличивают инфляцию, мешают нормальному функционированию банковских, управленческих, предпринимательских структур. Экономическая преступность требует самого пристального внимания со стороны правоохранительных органов. Анализ практики предупреждения, раскрытия и расследования этих преступлений показывает, что действия правоохранительных органов не всегда эффективны [3, с.95]. Уголовные преступления, которые совершаются в сфере банковской деятельности, получили сегодня значительное распространение и составляют существенную опасность для общества и государства в целом. Эта проблема не могла остаться без внимания и требует безотлагательного решения, кото-

рое не должно ограничиваться только комментированием действующих нормативных предписаний. Возникает потребность не только в их обосновании и совершенствовании, но и в выработке рекомендаций по правильной квалификации «банковских» уголовных преступлений, в адаптации нормативных правил к современным реалиям, в криминализации деяний, совершаемых в сфере банковской деятельности и имеющим все признаки преступлений, и декриминализации тех уголовных преступлений, которые много лет не имеют фактических проявлений и судебной практики по их совершению. Комплексный подход к решению проблемы предупреждения преступности в банковской сфере постоянно трансформируется и приобретает новые формы, требует выработки новой действенной системы противодействия таким посягательствам на уровне существенного реформирования положений уголовного законодательства по этим вопросам.

Уменьшение покупательной способности граждан связано с изменениями социально-экономического фона в стране. Однако такое обстоятельство не снижает потребностей граждан в целом, наоборот, с развитием технологий и значительным объемом информации, которую потребитель получает через телевидение и сеть Интернет, показывает, что населению необходимо значительное количество вещей, которые всегда недоступны из-за их высокой стоимости. Желание получить «легкие деньги» все больше возникает у неустойчивых членов общества, в частности, с учетом соблазнов, которые навязывают нам средства массовой информации, с чем и связан стремительный рост числа преступлений против собственности, и, в основном, с применением банковских карт. Число зарегистрированных случаев мошенничества в абсолютном выражении выросло со 160 081 в 2010 году до 208 926 в 2016 году, удельный вес вырос с 6,1 % до 9,7 % соответственно [5, с.18].

Указанная тенденция, в частности, связана с широким распространением данного вида платежных средств, что в свою очередь является результатом деятельности государства, направленной на постепенное ограничение операций с безналичными платежами (установление лимита для безналичных платежей на уровне, не превышающем определенной суммы; меры, направленные на противодействие легализации средств, полученных преступным путем).

В этих условиях, рядовые граждане все чаще используют для расчетов пластиковые платежные карты и при этом достаточно часто попадают в поле зрения различных мошенников. Поэтому значительное количество пострадавших становится частью современных преступных схем с использованием платежных карт. Не каждый гражданин достаточно осведомлен о том, как правильно пользоваться банковской картой, чтобы сохранить свои средства от мошеннических посягательств.

Механизмы противодействия мошенничеству с использованием банковских платежных карт требуют усовершенствования с учетом текущего положения дел. В связи с этим научный анализ основных направлений противодействия мошенникам с использованием банковских

карт является чрезвычайно актуальным и важным.

Вместе с тем, разнообразие механизмов противодействия мошенничеству с использованием банковских карт обусловлено особенностями реализации той или иной схемы мошеннических действий, и предусматривает необходимость комплексного исследования круга вопросов с учетом наиболее новых способов совершения мошенничества с использованием платежных карт, которые фиксируются правоохранительными органами.

Важно, что совершая кражу, преступники также могут использовать обман или злоупотребление доверием. В случае такого вида мошенничества, как вишинг, мошенники звонят жертве и представляются сотрудниками банка, вводя ее в заблуждение, а затем завладевают секретной информацией о данных карты с ее последующим использованием для заказа товаров или услуг на интернет-ресурсах [6]. Указанные действия необходимо квалифицировать как кражу, совершенную мошенническим способом. Если же в подобной ситуации мошенники в телефонном разговоре путем обмана уверяют владельца банковской карты в правомерности совершаемых действий, так что жертва, считая, что все действия выполняются в рамках закона и в ее интересах, самостоятельно перечисляет средства на счет злоумышленников, эти действия также будут квалифицированы как мошенничество.

В случае совершения такого вида мошенничества, как скимминг, преступники могут обманным путем завладеть данными платежной карты жертвы и использовать полученную информацию для подделки платежного средства. Далее могут иметь место тайные изъятия денежных средств через банкомат с помощью поддельных карт [1, с.13].

Основные мероприятия по противодействию данному виду мошенничества направлены на предупреждение получения мошенником информации с пластиковой карты [8]. Такими мерами могут быть:

– тщательная проверка банкомата на наличие признаков, свидетельствующих о вмешательстве посторонних лиц в его работу (накладная клавиатура, дополнительный считыватель и другое) к началу пользования услугами банкомата [7];

– принятие дополнительных мер, которые усложняют получение информации мошенниками, в случае, если ими использованы технические средства для считывания информации из банкомата (в частности, закрывания клавиатуры банкомата ладонью при вводе ПИН-кода);

– меры по противодействию фишинга. Название этого вида мошенничества происходит от английского слова «fishing» (что означает «рыба» или «рыбачить») [2, с.51]. Сущность фишинга заключается в том, что преступники выбирают самые популярные известные сайты и создают собственный сайт-клон, доменное имя которого отличается от оригинального на один или два символа. Такие сайты обычно предлагают товары или услуги. Для заказа товара от клиентов требуется ввести реквизиты их платежной карты. Однако на самом деле товары на таких сайтах не продаются, а главной целью их администраторов является сбор данных с карт потенциальных покупателей для дальнейшего завладения их денежными средствами. Для совершения мошенничества может использоваться электронная почта и другие способы коммуникаций. Достаточно часто мошенниками используется информация о клиентах банка, полученная от недобросовестных работников этих самых банков, что позволяет еще больше ввести жертву в заблуждение. Человеку также могут сообщать о получении наследства или выигрыше в лотерею и спрашивать реквизиты карты для пересылки денег и тому подобное. В этих условиях основной рекомендацией к противодействию данному виду мошенничества является строгое соблюдение конфиденциальности информации относительно информации о карте со стороны как работников банка, так и непосредственно пользователей платежных карт. Если у держателя карты возникает подозрение о нарушении конфиденциальности указанной информации, ему следует принять меры по блокированию такой карты банком и ее последующего перевыпуска. Удобным инструментом, позволяющим защититься от данного вида мошенничества, является услуга 3-D Secure (установление привязки карты к номеру мобильной связи владельца). Механизм 3-D Secure работает следующим образом: вначале портал отправляет на номер мо-

бильного телефона, указанного владельцем, sms-сообщение со специальным кодом. И только после того, как владелец подтвердит транзакцию путем ввода полученного кода, будет произведена оплата;

– меры по противодействию физической краже данных о реквизитах платежной карты. В случаях, связанных с физическими кражами данных, реквизиты карты могут похитить в процессе ее передачи клиенту (например, во время пересылки пластиковой карты по почте). Перехватить данные карты могут также третьи лица, участвующие в расчетах платежной картой. Основными направлениями противодействия данному виду мошенничества являются, во-первых, соблюдение требований безопасности со стороны банка в ходе передачи пластиковой платежной карты пользователю; во-вторых, соблюдение элементарных требований держателем карты, связанных с запретом передачи карты посторонним лицам во время расчетов на кассе.

Приведенный перечень видов мошенничества и направления противодействия таким видам мошенничества не является исчерпывающим. Вместе с тем изучение даже ключевых направлений противодействия мошенничеству с использованием банковских платежных карт подтверждает то, что единичные показатели безопасности информации могут быть достигнуты исключительно с применением дополнительных приспособлений технической защиты информации, хранящейся на банковских платежных картах. Одним из таких механизмов является использование чип-модулей на банковских платежных картах. Современные ученые отмечают, что именно банковские платежные карты с чипами имеют наибольший уровень защиты информации от мошеннических операций [4, с.406].

С целью обеспечения безопасности средств клиентов чаще всего сами банки видоизменяют банкоматы: устанавливая антискиминговые накладки на картоприемник.

Карты с чипами являются эффективной защитой от мошеннических операций, однако не всех. В случае мошеннических операций в интернете, таких как фишинг, когда для завладения и использования средств с карты мошеннику до-

статочно узнать номер карты, срок ее действия и CVV2 / CVC2 коды, наличие или отсутствие чипа не мешает преступнику завладеть средствами владельца карты. Однако и эта проблема может быть решена с помощью услуги 3-D Secure, что предусматривает «привязку» владельца карты к номеру его мобильного телефона. При использовании этой услуги невозможно провести любую операцию по банковской карте в сети интернет без ее подтверждения по телефону.

С учетом растущих показателей карточного мошенничества пользователям необходимо заказывать карты с чипами, подключать все приложения безопасности, доступные на платежном инструменте, и выполнять требования безопасности банка с целью ограждения себя от потенциальных потерь.

Очевидно, что граждане требуют больше информации о современных эффективных и действенных средствах защиты от такого мошенничества и в абсолютном большинстве не знают, как уберечь свои средства на карте. В таких условиях достаточно эффективным способом предотвращения мошенничества является, прежде всего, ознакомление самого банковского персонала, а прежде всего тех лиц, которые консультируют пользователей платежных карт во время их получения, с актуальными на сегодня средствами защиты от мошеннических посягательств. В основном общие правила и рекомендации для пользователя сводятся к обязательности подключения услуги 3-D Secure (SMS-банкинг), хранения отдельно карт и контрольной информации, избегание расчетов в сети Интернет картой, на которой находятся основные средства, неразглашение реквизитов карты посторонним лицам, периодическое изменение пароля, установления лимита платежей в сети Интернет, полное блокирование платежей по картам в сети Интернет, записи в блокнот кода безопасности и заклейки его на карте, получение карты с чипом.

К основным способам предупреждения совершения таких преступлений не-

обходимо отнести: разработку соответствующей нормативной базы по вопросам обеспечения безопасности банковской системы нашей страны и практическую реализацию ее положений; внутренний контроль возможных угроз со стороны службы безопасности банковского учреждения; введение новых, более модернизированных технологий в банковской деятельности, внедрение новых, более защищенных форм пластиковых карт; учет положительного международного опыта в борьбе с банковским мошенничеством; ужесточение уголовной ответственности за совершение преступлений с применением электронных технологий учитывая особый объект преступления (банковской системы); дальнейшая криминализация деяний, которые наносят ущерб безопасности банковской системы; новые уровни контроля со стороны правоохранительных структур.

Современное состояние развития общественных отношений в банковской сфере характеризуется значительным повышением активности со стороны мошенников. Мошенничество постепенно и активно проникает в виртуальное пространство. Существует немало вариантов мошеннического завладения денежными средствами с применением банковских платежных карт, но наиболее популярными и общественно-опасными на сегодня в считаются: «фишинг», «вишинг» и «скимминг». Функция банковских учреждений по предотвращению преступных посягательств, совершаемых с использованием банковских платежных карт, постепенно приводится к международным стандартам. Однако практическая реализация законодательных принципов остается на низком уровне, поэтому требует скорейшего воплощения указанных положений в реалии современной жизни. Нынешнее реформирование банковской системы должно учитывать не только те риски, которые возникают внутри ее структуры и подрывают ее стабильное функционирование, но и внешние угрозы в виде различных видов преступных посягательств.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Агапова А.В. О безопасности применения банковских платежных (зарплатных) карт // Финансы и кредит. – 2013. – №40. С.10-15.

2. Изотов Д. С., Быкова Н. Н. Виды мошенничества с банковскими картами // Вестник НГИЭИ. – 2015. – № 3. – С.49-52.

3. Майоров А.В. К вопросу об обеспечении экономической безопасности (виктимологический аспект) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2015. – №2. – С. 92-98.

4. Седлецкий Н.А. Разработка мероприятий обеспечения защиты банковских карт от мошенничества // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации. Омск. 2016. Финансовый университет при Правительстве РФ, Омский филиал. – 2016. – С.404-408.

5. Юзиханова Э.Г. Поиск и анализ причин преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – №4. – С.16-22.

6. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вишинг>

7. Тинькофф Банк: как защититься от скимминга. URL: <https://journal.tinkoff.ru/skimming/>

8. Министерство Внутренних Дел по Республике Коми: памятка владельцам пластиковых банковских карт. URL: https://11.mvd.pf/upload/site15/document_file/pamyatki_plastikov_karty.pdf

REFERENCES:

1. Agapova A.V. O bezopasnosti primeneniya bankovskikh platezhnykh (zarplatnykh) kart // Finansy i kredit. – 2013. – №40. S.10-15.

2. Izotov D. S., Bykova N. N. Vidy moshennichestva s bankovskimi kartami // Vestnik NGIEI. – 2015. – № 3. – S.49-52.

3. Mayorov A.V. K voprosu ob obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti (viktimologicheskii aspekt) // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. – 2015. – №2. – S. 92-98.

4. Sedletskiy N.A. Razrabotka meropriyatiy obespecheniya zashchity bankovskikh kart ot moshennichestva // Potentsial rossiyskoy ekonomiki i innovatsionnyye puti yego realizatsii. Omsk. 2016. Finansovyy universitet pri Pravitel'stve RF, Omskiy filial. – 2016. – S.404-408.

5. YUzikhanova E.G. Poisk i analiz prichin prestupnosti // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2017. – №4. – S.16-22.

6. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Vishing>

7. Tin'koff Bank: kak zashchitit'sya ot skimminga. URL: <https://journal.tinkoff.ru/skimming/>

8. Ministerstvo Vnutrennikh Del po Respublike Komi: pamyatka vladel'tsam plastikovykh bankovskikh kart. URL: https://11.mvd.rf/upload/site15/document_file/pamyatki_plastikov_karty.pdf

САЗОНОВ Михаил Михайлович, преподаватель кафедры информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Тюмень
E-mail: sazonoff.mikhail@gmail.com

Sazonov M. M.

TYPES OF FRAUDES WITH BANK CARDS AND IMPROVEMENT OF VIKTIMOLOGICAL WARNING MEASURES

At present, non-cash payment using bank cards is gaining popularity. Crimes committed in the sphere of banking activity are becoming more widespread and constitute a significant danger both for society and for the state as a whole. The main reason can be called insufficient awareness of citizens about the methods of fraud with bank cards. The task of the banking sector and the state is to ensure the safety of financial transactions and minimize the possibility of fraud.

Keywords: *fraud, bank cards, ATMs, phishing, wishing, skimming.*

SAZONOV Mikhail Mikhailovich, lecturer of the Department of Information and Analytical Support of the Activity of Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen
E-mail: sazonoff.mikhail@gmail.com

Дата поступления: 07.06.2018 г.

Фаткулин С. Т.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

В статье рассматривается возможность изучения юридического лица как объекта изучения криминальной виктимологии. Автор рассматривает различные точки зрения по вопросу признания юридического лица жертвой преступления (потерпевшим от преступления). Аргументирует и обосновывает свою точку зрения по рассматриваемому вопросу на примере экологических преступлений.

Ключевые слова: виктимология, криминальная виктимология, жертва, экологические преступления, юридические лица.

Вплоть до принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 потерпевшим (от преступления) признавалось лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (ст. 53 УПК РСФСР). При этом в уголовно-правовом смысле потерпевшим считалось только физическое лицо, являющееся непосредственной жертвой преступления. Юридическая природа и значение обстоятельств, характеризующих потерпевшего, в уголовном праве определяется конкретными нормами, характеризующими признаки того или иного состава преступления. Во всех этих нормах термин «потерпевший» применяется для обозначения человека, пострадавшего непосредственно от действий преступника. Поэтому неверной считалась позиция тех ученых, которые признавали потерпевшими в уголовно-правовом смысле не только физических, но и юридических лиц, пострадавших от преступления [См.: 9, с.39; 2, с.152, 161-162; 6, с.6]. Физические лица – непосредственные носители общественных отношений, ставшие объектами преступного посягательства, при-

знавались потерпевшими; фактическое нарушение прав и законных интересов человека становилось юридическим основанием для их защиты в уголовном процессе с использованием специфических прав и полномочий, предоставленных уголовно-процессуальным законом потерпевшему. Считалось, что юридические лица такими свойствами не обладают, поэтому не могут быть признаваемы потерпевшими. Они являются субъектами гражданско-правовых отношений. В случае причинения им имущественного вреда возможно признание их гражданскими истцами. В этом качестве они могут выступать как лица, интересы которых затрагиваются в уголовном процессе.

Уголовно-процессуальное и криминалистическое понятия потерпевшего производны от уголовно-правового, поэтому и здесь в качестве потерпевших могли выступать только физические лица. Мнения тех криминалистов, которые считали, что структурным элементом криминалистической характеристики преступления может быть не только физическое, но и юридическое лицо, подвергались критике [См.: 10, с.60-62; 8, с.12].

Примером научного предвидения может служить позиция В. И. Шиканова, который писал, что «появление новых структурных элементов предмета криминалистической виктимологии, которые составят еще один информационный узел (блок), связанный с изучением в криминалистическом аспекте данных о юридических лицах – потерпевших от преступления (особенности структуры предприятий, технологические процессы и другие параметры производственной деятельности, обуславливающие способы совершения хищений и т.п.)» может вызвать появление в будущем в законодательстве в качестве потерпевших не только физических, но и юридических лиц [11, с.13].

Статья 42 УПК РФ 2001 в действующей редакции расширила круг потерпевших, включив в него и юридических лиц: «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации». Отечественная виктимология изначально изучая жертв преступлений, чаще всего обращалась к исследованию физических лиц; в этой части она получала антропологические данные о жертве и интерпретировала их, по сути превративших современную виктимологию в криминальную виктимологическую антропологию – научное направление, исследующее физических лиц (человека) и их общности как жертв преступлений и злоупотреблений властью. Второе виктимологическое направление не менее важно, но менее изучено потому, что отечественный законодатель на протяжении длительного времени не признавал за юридическими лицами статуса потерпевшего от преступлений.

Заметная попытка исследования корпоративных жертв (юридических лиц) российской преступности была предпринята А.П. Кабановым [4] в работе «Корпоративные жертвы российской преступности: криминологический анализ виктимологической статистики за 2009–2013 гг.», им же предложен термин «корпоративная виктимология» как вид частной виктимологической теории. Безусловно, основным предметом криминальной корпоративной виктимологии являются юридические лица, ставшие жертвами

преступлений и злоупотреблением властью, но предметное поле этого научного направления не должно ограничиться им, а должно включать в себя ряд других обязательных элементов. Такими элементами должны стать:

а) корпоративная виктимность – это возможность и/или способность (потенциальная или реальная) юридического лица стать жертвой преступления;

б) корпоративная виктимизация – это реализации потенциальной виктимности юридического лица в физический, материальный или репутационный вред;

в) корпоративная виктимогенность – это способность явлений или процесс оказывать вредоносное воздействие на юридическое лицо, увеличивая его виктимность;

г) корпоративная виктимологическая профилактика – это деятельность специальных субъектов, направленная на снижение корпоративной виктимности;

д) корпоративная виктимологическая реабилитация – это деятельность специальных субъектов, направленная на оказание юридическим лицам виктимологической помощи и восстановление их законных прав и интересов, нарушенных преступлением, и другие [5].

Научный интерес представляют выводы автора о соотношении числа учтенных преступлений и количестве учтенных потерпевших отдельно физических и юридических лиц.

Так, по официальным статистическим данным количество преступлений с 2009 года по 2013 год снизилось с 2994820 до 2206249, т.е. на 26,3%, что свидетельствует о снижении криминальной активности населения России. За этот же период значительно снизилась криминальная виктимность населения. Если в 2009 году было учтено 2241710 потерпевших от преступлений, то в 2013 году – 1822767, т.е. почти на 19% меньше [7]. Анализ структуры потерпевших от преступлений показывает, что за указанный период было учтено 8601379 физических лиц, и 1346197 юридических лиц. Соотношение этих видов потерпевших показывает, что физические лица более чем в шесть раз чаще становились жертвами преступлений, чем юридические лица. Темпы снижения криминальной виктимности юридических лиц составили 11,3% или на 7,7% ниже, чем в целом по общему коли-

честву учтенных жертв криминального поведения.

Наибольший вред юридическим лицам наносится преступлениями против собственности; из всей совокупности учтенных жертв криминального поведения за указанный период именно на эту категорию преступлений приходится 1148610 жертв или 85,3% от всех установленных потерпевших по уголовным делам из числа юридических лиц. На втором месте по количеству учтенных жертв преступлений находятся преступления в сфере экономической деятельности (24178 юридических лиц), на третьем месте – преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (15568 юридических лиц), на четвертом месте – преступления против общественной безопасности (15324 юридических лица), на пятом месте – преступления против семьи и несовершеннолетних (13256 юридических лиц) и т.д.

А как же дело обстоит с экологическими преступлениями? Ведь по степени общественной опасности и вредоносности они вполне сопоставимы с указанными выше составами преступлений. Можно ли выделить в качестве самостоятельной частной виктимологической теории виктимологию экологической преступности? Полагаем, что на эти вопросы следует дать утвердительные ответы. Но прежде необходимо остановиться на классификации преступлений по степени виктимологической выраженности. Этот критерий будет отражать объем и характер мер по снижению виктимности жертв преступлений – юридических лиц.

Астемиров З. А. предложил следующую типологию преступлений по степени виктимологической выраженности:

Преступления с высокой степенью виктимологической выраженности. Для них характерно наличие конкретной жертвы (физического лица) – преступления против личности, собственности, и другие составы, связанные с посягательством на интересы личности.

Преступления с повышенной степенью виктимологической выраженности. Им характерно наличие конкретной жертвы – юридического лица, имуществу или деловой репутации которого причинен материальный или моральный вред.

Преступления со средней степенью виктимологической выраженности, поскольку в них отсутствует заявитель о

преступлении. Жертвами в данном случае являются лица добровольно или рикошетно пострадавшие от преступления. Эту группу он разбил на два подтипа:

а) преступления с добровольными или согласными жертвами – незаконный оборот наркотиков, незаконное производство аборта, вовлечение в занятие проституцией и т.д.;

б) преступления с рикошетными жертвами – когда потерпевшим становится все население определенного региона, территории, страны.

Преступления со средней степенью виктимологической выраженности, в которых жертва явно не присутствует, однако совершению этих преступлений сопутствуют другие преступления, в которых всегда есть прямые жертвы преступления против общественной безопасности, против государственной власти и т.д.

Преступления с низкой степенью виктимологической выраженности – против мира и безопасности человечества, где жертвами являются неконкретные образования: государство, общество, международный правопорядок [1, с.140-144].

Последние три группы преступлений в зарубежной виктимологической литературе получили название «преступлений без жертв». К их числу несомненно относятся экологические преступления.

Сложности изучения виктимологического аспекта экологических преступлений связаны со следующими факторами.

Жертвами экологических преступлений в самом общем виде выступают государство, группы людей, коллективы и индивиды. При этом виктимологической особенностью экологических преступлений является отсутствие заявления потерпевшего. А между тем, пассивность населения в отношении защиты своих прав на благоприятную окружающую среду способствует высокой латентности экологической преступности и ведет к вторичной виктимизации жертв экологических преступлений.

Экологические преступления в качестве основного объекта имеют собственно окружающую среду в целом, а в качестве дополнительного объекта – жизнь и здоровье людей. Таким образом, последствия в виде вреда здоровью или жизни человека как бы отступают на второй план.

Во-вторых, сама по себе производ-

ственная и иная хозяйственная деятельность человека, являющаяся основным загрязнителем окружающей среды, в том числе добыча или изъятие природных ресурсов, преступными не являются; они становятся таковыми в случае причинения вреда окружающей среде или здоровью человека. Это обстоятельство объясняет повышенную «терпимость» общества к экологическим преступлениям и высочайшую их латентность.

В-третьих, отсутствие потерпевших, которые нередко сами не знают о том, что они стали жертвами преступления (при технологических катастрофах, производственных авариях, деятельности «привычных» вредных производств) препятствует возбуждению уголовного дела и проведению расследования.

Наиболее распространенные экологические преступления (ст. 256, 258, 260 УК РФ), которые составляют 97% от общего числа всех экологических преступлений, не связаны с причинением вреда здоровью человека; в этих преступлениях нет потерпевшего как такового. Иные составы экологических преступлений, где потенциально может быть потерпевший, составляют 3% от общего их числа. Причем это будут основные составы упомянутых экологических преступлений, так как уголовных дел с квалифицирующими признаками «в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации», а также с особо квалифицирующими признаками «повлекшие по неосторожности смерть человека» (ч. 2 и 3 ст. 247; ч. 2 ст. 248; ч. 2 и 3 ст. 250; ч. 2 и 3 ст. 251; ч. 2 и 3 ст. 254 УК РФ) по нашим данным не возбуждалось. Полагаем, что квалифицирующий признак «в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации», подлежит исключению из уголовного закона, поскольку таковых зон нет и перспектива их учреждения не просматривается в обозримом будущем. Экологические преступления, связанные с причинением смерти или вреда здоровью человека, предусматривают в качестве последствий причинение вреда здоровью человека (ст. 246; ч. 2 ст. 247; ч. 1 ст. 248; ч. 2 ст. 250; ч. 2 ст. 251; ч. 1 ст. 254 УК РФ), причинение существенного вреда здоровью человека (ч. 2 ст. 252 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ч. 3 ст. 247; ч. 2 ст. 248;

ч. 3 ст. 250; ч. 3 ст. 251; ч. 3 ст. 252; ч. 3 ст. 254 УК РФ). Единственный состав «угрозы» среди экологических преступлений – ч. 1 ст. 247 УК РФ предусматривает создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека.

В пункте 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» Пленум ВС РФ обратил внимание судов на то, что при решении вопроса о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, необходимо установить не только факт причинения вреда, но и его последствия, развившиеся в виде деградации естественных экологических систем, истощения природных ресурсов и иных последствий [3, с.10].

С криминологической точки зрения юридические лица представляют собой в установленном государством порядке общность людей.

При анализе совокупности виктимологических причин преступлений, совершенных в отношении юридических лиц, необходимо определенно ответить на вопрос: какое воздействие (внутренне или внешнее) в данной ситуации причинило ущерб? Если юридическое лицо пострадало от внешних воздействий, то виктимологическая ситуация должна развиваться также, как с потерпевшими – физическими лицами. Если причиной виктимности явились внутренние факторы, т.е. поведение должностных лиц, наделенных правом принимать существенные решения, или иных работников данной организации – то ситуация совсем иная. Здесь речь должна идти о системе мер, направленных на защиту организации от «внутренних врагов», и эта система защитных мер будет зависеть от таких факторов, как: организационно-правовая форма юридического лица; вещные или обязательственные права участника в отношении имущества организации; как (единолично или коллективно) осуществляется руководство по использованию имущества; каким способом осуществляется управление организацией (наемный персонал или силами самих участников организации) и других.

Как было сказано выше, экологические преступления условно можно отне-

сти к так называемым «преступлениям без жертв». Однако такой вывод носит «вынужденный» характер, ибо на самом деле, фактически, такие потерпевшие есть, и высочайшая общественная опасность и высочайшая латентность экологических преступлений никуда не девались, но пока не произойдет коренная ломка в подходах общества и правоохранителей к выявлению и расследованию экологических преступлений, ситуация будет оставаться на прежнем месте. «Сверхтерпимое», не сказать безразличное, отношение общества к состоянию окружающей среды, пассивность граж-

дан в деле защиты своих конституционных экологических прав (ст. 42 Конституции РФ) являются «питательной средой» для экологической преступности. Если бы каждый факт экологических правонарушений получал должную юридическую оценку со стороны органов правоохраны, общественную огласку, решительный отпор со стороны граждан, нежелающих расплачиваться своим здоровьем, а то и жизнью за экономическую целесообразность вредоносной хозяйственной деятельности предприятий – ситуацию с экологической преступностью можно было бы взять под контроль.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Астемиров З.А., Гаджиева А.А. Виктимологические аспекты преступлений без жертв // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 140–144.
2. Божьев В.П. К вопросу о понятии потерпевшего в советском уголовном процессе // Ученые записки ВИЮН – М., 1962.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 12.
4. Кабанов П.А. Корпоративные жертвы российской преступности: криминологический анализ виктимологической статистики за 2009-2013 гг. // Юридические исследования. – 2015. – № 3. – С. 52–70. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.3.14420. – URL: http://e-notabene.ru/lr/article_14420.html
5. Кабанов П.А. Криминальная корпоративная виктимология: понятие, предмет, перспективы. – URL: http://e-notabene.ru/lr/article_14420.html.
6. Кокарев А.Д. Потерпевший от преступления. – Саратов, 1965.
7. Официальный сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». – URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/>
8. Рыбальская В.Я. Методика изучения личности потерпевшего по делам о преступлениях несовершеннолетних. – Иркутск, 1975.
9. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, «Ирфон», 1977, 237 с.
10. Шевцов Г.М. Потерпевши – юридическое лицо как структурный элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики). – Сб. научных трудов. – Иркутск, 1980. – С. 60-62.
11. Шиканов В.И. Криминалистическая виктимология: анализ сущности и функций // Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики). – Сб. научных трудов. – Иркутск, 1980.

REFERENCES:

1. Astemirov Z.A., Gadzhievya A.A. Viktimologicheskiye aspekty prestupleniy bez zherty // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2013. – № 5. – S. 140–144.
2. Bozh'yev V.P. K voprosu o ponyatii poterpevshego v sovetskom ugolovnom protsesse // Uchenyye zapiski VIYUN – M., 1962.
3. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. – 2012. – № 12.
4. Kabanov P.A. Korporativnyye zherty rossiyskoy prestupnosti: kriminologicheskiy analiz viktimologicheskoy statistiki za 2009-2013 gg. // Yuridicheskiye issledovaniya. – 2015. – № 3. – S. 52–70. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.3.14420. – URL: http://e-notabene.ru/lr/article_14420.html
5. Kabanov P.A. Kriminal'naya korporativnaya viktimologiya: ponyatiye, predmet, perspektivy. – URL: http://e-notabene.ru/lr/article_14420.html.
6. Kokarev A.D. Poterpevschiy ot prestupleniya. – Saratov, 1965.
7. Ofitsial'nyy sayt TSSI FKU "GIATS MVD Rossii". – URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/>

8. Rybal'skaya V.YA. Metodika izucheniya lichnosti poterpevshego po delam o prestupleniyakh nesovershennoletnikh. – Irkutsk, 1975.

9. Frank L.V. Poterpevshiye ot prestupleniya i problemy sovetskoj viktimologii. Dushanbe, "Irfon", 1977, 237 p.

10. Shevtsov G.M. Poterpevshi – yuridicheskoye litso kak strukturnyy element kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniya // Kriminalisticheskaya viktimologiya (voprosy teorii i praktiki). – Sb. nauchnykh trudov. – Irkutsk, 1980. – S. 60-62.

11. Shikanov V.I. Kriminalisticheskaya viktimologiya: analiz sushchnosti i funktsiy // Kriminalisticheskaya viktimologiya (voprosy teorii i praktiki). – Sb. nauchnykh trudov. – Irkutsk, 1980.

ФАТКУЛИН Сафаргалей Таминдарович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правоохранительная деятельность и национальная безопасность», Южно-Уральский государственный университет (НИУ) г. Челябинск.
E-mail: safar53@mail.ru

Fatkulin S. T.

LEGAL ENTITIES AS AN OBJECT OF CRIMINAL VICTIMOLOGY

The article considers the possibility of studying a legal entity as an object of studying criminal victimology. The author considers various points of view regarding the recognition of a legal entity as a victim of a crime (victim of a crime). Arguments and substantiates his point of view on the issue under consideration on the example of environmental crimes.

Keywords: *victimology, criminal victimology, victim, environmental crimes, legal entities.*

Fatkulin Safargaley Tamindarovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department "Law Enforcement and National Security", South Ural State University (NRU), Chelyabinsk
E-mail: safar53@mail.ru

Дата поступления: 15.02.2018

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ВИКТИМОЛОГИЯ»

ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям по оформлению статей. Текст для публикации объемом **5–15 страниц формата А4**

должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»*. Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции и выражает свое согласие на размещение в базе РИНЦ.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

- УДК (обязательно перед текстом рукописи).
- Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и на английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и на английском языках.
- Аннотация (от 5 до 7 строк) и список ключевых слов в именительном падеже (5–7 слов) на русском и на английском языках.
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Редактор – **Microsoft Word (.doc)**. Шрифт (гарнитура) – **Times New Roman**.
- Размер шрифта (кегель) – **14**, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 11.
- Абзацный отступ («красная строка») – **1,0 см**.

- Межстрочный интервал – **полуторный**. Выравнивание текста – **по ширине**.
- Автоматическая расстановка переносов допускается.
- Цитируемая в статье литература приводится в виде списка в конце текста. В тексте в квадратных скобках дается ссылка на порядковый номер списка (ГОСТ Р 7.0.5.-2008).
- Авторские примечания (не являющиеся используемой литературой или ссылкой на источник) размещаются в постраничных сносках.
- После статьи **обязательно** указываются: фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, город, адрес электронной почты автора.

К РУКОПИСИ НЕОБХОДИМО ПРЕДОСТАВИТЬ:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) по представленной на сайте издания форме.

3. Для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рецензия, подписанная научным руководителем и заверенная печатью учреждения (оригинал или отсканированную копию оригинала).

Подготовленные материалы необходимо направить по адресу электронной почты:
victimology@mail.ru.

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал.

Авторский экземпляр номера журнала высылается на указанный в заявке адрес наложенным платежом.

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 2(16) / 2018

Дата выхода в свет 29.06.2018. Формат 70×108 1/16.

Усл.-печ. л. 6,1. Тираж 150 экз. Заказ № 18/01.

Цена свободная.

Отпечатано в типографии «СитиПринт» ИП Мякотин И.В.

454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61-а

VICTIMOLOGY

No. 2(16) / 2018

Date of publication of the 29.06.2018. Format 70×108 1/16.

Conventional printed sheet 6,1. Circulation – 150 issues. Order No 18/01.

Open price.

Printed in the printing of the «Sitiprint» IP Makhotin I.V.

61-a, Engels st., Chelyabinsk, 454080, 61-and
